

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ
ПЕДАГОГИКИ

Антология гуманной педагогики

ВЛИЯНИЕ СРЕДЫ, КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОСТИ НА ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Просвещение и прогресс в развитии общества

По трудам Абая Кунанбаева

В помощь педагогам и родителям

Амрита-Русь
Москва
2019

ИД Шалвы
Амонашвили
Москва, 2019

УДК 37+94(574)
ББК 74.03(3)(5Каз)
В58

В58   Влияние среды, культуры и духовности на воспитание молодежи. Просвещение и прогресс в развитии общества (по трудам Абая Кунанбаева); [Сост. : Л. Мусалы]. — М. : Амрита-Русь, ИД Шалвы Амонашвили, 2019. — 144 с. — (Антология гуманной педагогики).

ISBN 978-5-413-01958-0

В тринадцатый по счету сборник Антологии гуманной педагогики вошли труды великого казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева (1845–1904) с комментариями доктора филологических наук А. Ж. Жаксылыкова.

Влияние А. Кунанбаева на культуру казахского народа колоссально: он дал мощный толчок развитию казахской литературы и стал ее первым классиком, способствуя сближению культур Казахстана и России.

Мысли А. Кунанбаева о воспитании подрастающего поколения и ценные педагогические идеи, родившиеся в горниле борьбы за новое и прогрессивное, не утратили актуальности до сих пор.

УДК 37+94(574)
ББК 74.03(3)(5Каз)

ISBN 978-5-413-01958-0

© ИД Шалвы Амонашвили, 2019
© Оформление.
Амрита-Русь, 2019

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ:
АБАЙ КУНАНБАЕВ

Автор идеи комплекса и редактор тома: *А. Ахметова*.

Первый читатель: *А. Ж. Жаксылыков*.

Составитель: *Л. Мусалы*.

Аслан Жамелулы Жаксылыков — доктор филологических наук, профессор Казахского Национального Университета имени аль-Фараби.

Ляйля Жуматайкызы Мусалы — кандидат филологических наук, доцент Казахского Национального Университета имени аль-Фараби.

**АБАЙ
КУНАНБАЕВ**

Дадебаев Жангара Дадебайулы

Доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета (КазНУ) имени аль-Фараби, директор научно-исследовательского института Абая при КазНУ. Любезно предоставил для книги оригинальные тексты А. Кунанбаева, контролировал абаеведов и проверял качество перевода.

Ляйля Жуматайкызы Мусалы

Кандидат филологических наук, доцент Казахского Национального Университета имени аль-Фараби. Составитель и редактор сборника.

Жаксылыков Аслан Жамелулы

Доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Знаток творчества А. Кунанбаева, автор комментариев.

МУХТАР АУЭЗОВ

АБАЙ КУНАНБАЕВ

*В душу взглядись глубже, сам с собою побудь:
Я для тебя загадка, я и мой путь.
Знай, потомок, дорогу я для тебя стлал.
Против тысяч сражался — не обессудь!*
Абай

С такими словами обратился Абай к будущему поколению. Такими сердечными строками говорил с грядущим поэт, прокладывая тропу из мрачных веков минувшего к иному, светлому будущему. Он нес во мраке невежества, окутывавшем казахские степи, яркий факел поэзии, указывал своему народу новые горизонты, откуда взойдет его солнце. Для своего века, для среды невежд он был загадкой. Но для нас он совершенно ясен — светило казахской литературы, солнце казахской поэзии. Ныне, когда казахский народ обрел свою настоящую родину, поэт обрел свой родной, просвещенный народ. Ныне Абай стал близок всем народам нашей великой родины...

Великий поэт казахского народа Абай родился в 1845 году, в Чингисских горах Семипалатинской области, в кочевьях рода Тобыкты. Отец Абая, самовластный, суровый степной правитель Кунанбай, был старшиной тобыктинского рода незадолго до присоединения к России. Ранние детские годы Абая прошли в гнетущей обстановке разлада, царившего внутри полигамной семьи (Кунанбай имел четырех жен). Этот уклад феодальной семьи влиял на психику, нравы и личную судьбу жен-соперниц и детей, враждовавших между собою. Но, по счастью для Абая, его родная мать Улжан была женщиной замечательных качеств. Ее природная гуман-

ность, сдержанная рассудительность и исключительная любовь к сыну создавали для Абая редкий в таких семьях уют родного гнезда. Улжан всегда выделяла его из числа остальных своих детей, и имя его — Ибрагим, данное отцом, она заменила ласкательным Абай («осмотрительный, вдумчивый»). Это имя так и осталось за ее сыном на всю его жизнь.

Живя в молчаливой отчужденности от Кунанбая, Абай и его мать нашли свою духовную опору в лице бабушки — Зере. Многоопытная, мягкосердечная и мудрая женщина, сама познавшая за долгую жизнь горечь несправедливого положения жены, перенесла все надежды и любовь на внука. Заботы, наставления и ласки этих двух женщин сильно отличались от всех поступков, привычек и установлений отца. Они смягчали суровый холод жизни, в котором была обречена расти детская душа Абая. Дав мальчику первоначальное образование дома, у наемного муллы, Кунанбай послал затем Абая в медресе семипалатинского имама Ахмета Ризы. За пять лет учения в этом медресе прилежный и необычайно даровитый мальчик сумел получить многое.

Уже к этому времени им овладела рано пробудившаяся любовь к поэзии. Она зародилась в нем еще тогда, когда он слушал рассказы и воспоминания бабушки Зере, хранительницы живой старины, когда он заучивал наизусть слышанные в ауле сказки, легенды, богатырские былины, исторические песни — все многообразное богатство творений акынов, певцов его родных степей. Позднее, попав в медресе, Абай стал увлекаться чтением восточных поэтов. Из удушливой атмосферы медресе, из среды богомольных буквоедов и темных фанатиков он, как к благодатному оазису из мрачной пустыни, рвется к народной и классической литературе Востока. Вместе с тягой к изучению восточных языков в нем пробуждается интерес и к русскому языку, к русской культуре. Нарушая суровый устав медресе, Абай самовольно стал

посещать русскую школу, одновременно продолжая обучаться и в мусульманском духовном училище.

В школьные годы Абай не только изучал поэзию, но и сам начал писать стихи. Среди сохранившихся ранних стихов Абая встречаются лирические отрывки, послания, любовные стихи, написанные под влиянием восточной классической поэзии, и одновременно — стихи-экспромты, созданные в стиле народной поэзии, в духе творчества акынов-импровизаторов того времени.

Вдумчивый юноша, старательный ученик и начинающий поэт, Абай мог бы извлечь много важного и полезного для своего будущего даже и в условиях скудной «науки» медресе. Но воля отца определила дальнейшую судьбу сына иначе.

В той непрерывной борьбе за власть над родом, которую вела степная знать, Кунанбай нажил себе много врагов среди соперников, и ему нужно было готовить к этой борьбе своих детей и близких родственников. Поэтому, не дав Абаю закончить учение в городе, отец вернул его в аул и начал постепенно приучать к разбирательству тяжёлых дел, к будущей административной деятельности главы рода.

Наделенный от природы недюжинными способностями, юноша очень рано попал в самую гущу сложных интриг. Вращаясь в кругу изощренных вдохновителей межродовой степной борьбы, Абай постигает тончайшие приемы ведения словесных турниров, где оружием служили отточенное красноречие, остроумие и изворотливость. Так как тяжбы решались не царским судом, а на основе веками существовавшего обычного права казахов, Абай должен был обратиться к сокровищам казахской народно-речевой культуры. Еще в юношеском возрасте он заслуженно стяжал себе славу красноречивого остроумного оратора, сумев стать мастером виртуозной ораторской речи, и научился высоко ценить значение полновесного поэтического слова. Если Кунанбай и люди

его круга обращались к авторитету своих предков — родовых старейшин — и хранили в памяти только их речи, приговоры и афоризмы, то Абай, наперекор отцу тянувшийся к общению с народными певцами, знал почти всех своих предшественников — поэтов, акынов и участников айтысов, выступавших перед народом в борьбе за поэтическое первенство.

Рано пробудившийся интерес к классической поэзии Востока породил первые подражательные стихи Абая. Обращение к традиции казахской народной поэзии сделало его новые стихи оригинальными и индивидуально самобытными. В этих стихах уже наметился будущий самостоятельный облик поэта, творчество которого глубокими корнями уходит в народную почву.

По свидетельству многих его современников, Абай начал сочинять стихи (в виде импровизаций и писем-посланий) очень рано, двенадцатилетнего возраста. Однако творчество этого первого периода дошло до нас далеко не полностью. Вместе с небольшим количеством юношеских стихов поэта мы находим только ряд упоминаний об отдельных забытых и утерянных произведениях. Так, известны лишь начальные строки стихов, посвященных его любимой девушке Тогжан. Только в устной прозаической передаче сохранился «айтыс» (песенное состязание) молодого Абая с девушкой-акыном Куандык. Слабое развитие письменности в тогдашнем Казахстане обусловило отсутствие писем, мемуаров, записей современников, которые помогли бы сохранить юношеские стихи Абая и осветить его биографию. Немалое значение при этом имело и отношение к поэту вообще, характерное для феодально-байской среды того времени. Если народ с глубоким уважением относился к поэтическому творчеству и высоко чтит звание акына, то родовитые баи с самодовольной гордостью говорили: «Слава Богу, из нашего племени не выходило ни одного баксы и

акына». Этим презрительным отношением знати к профессии поэта объясняется то, что в родных аулах Абая не сохранилось ни его ранних произведений, ни даже рассказов о его поэтической деятельности ранней поры. И сам Абай, под влиянием таких взглядов на поэта, часто выдавал свои стихи того времени за стихи своих молодых друзей. Втянутый насильно в тягостные дела родовых распрей, Абай не мог примириться с несправедливостью и жестокостью отца, часто шел вразрез с интересами и стремлениями Кунанбая, вынося справедливые и беспристрастные решения по многим делам. Кунанбаю были глубоко не по душе новые повадки сына: и то, что друзей и советников Абай искал себе в народе, среди мудрых и честных людей, и то, что Абай уже многие годы тяготел к русской культуре. Между хитрым, властным отцом и правдивым, непокорным сыном все чаще происходили серьезные споры и стычки, готовые со временем вылиться в прямой разрыв.

Этот разрыв и совершился окончательно, когда Абаю было двадцать восемь лет.

Теперь Абай мог определить дальнейшую свою деятельность по велениям собственного разума, своей воли. И прежде всего он вернулся к изучению русского языка, прерванному в детстве. Новыми его друзьями стали акыны, певцы-импровизаторы, талантливая степная молодежь, по преимуществу незнатного рода, и лучшие представители русской интеллигенции того времени, с которыми он встречался в Семипалатинске. На тридцать пятом году жизни Абай вновь возвращается к поэзии. Но и стихи этого периода он все еще распространяет от имени своих молодых друзей. В течение следующих десяти-двадцати лет Абай, уже зрелый и культурный человек, изучает народное поэтическое творчество, восточных поэтов и, главным образом, русскую классическую литературу. И только летом 1886 года, когда ему минуло уже сорок лет, Абай, напи-

сав прекрасное стихотворение «Лето», впервые решил поставить под ним свое имя. Начиная с этого дня, все остальные двадцать лет его жизни прошли в необычайно содержательной, творческой поэтической деятельности.

В это же время, окончательно разочаровавшись в нравах и во всем моральном облике социально разлагающейся феодально-родовой среды, Абай всеми силами стремится порвать с ней. В юности — невольный участник бесконечных межродовых раздоров и распрей, разжигаемых правителями родов, Абай теперь отчетливо увидел пагубность этой родовой борьбы, всю невероятную ее тяжесть для народа, начал понимать истинный смысл этих раздоров, искусственно разжигаемых царизмом, проводившим свою политику по принципу «разделяй и властвуй». Управители, бии (родовые судьи) и старшины превращаются в его глазах в ставленников колонизаторской власти. Тяжко задумывается Абай над судьбами своего народа, терзается мыслями об участи темной, угнетаемой и бесправной народной массы. Стихи зрелых лет Абая выражают глубокую скорбь поэта о злосчастной доле отсталого народа.

Искренний поэт и верный сын своего народа, Абай ищет выхода для него. В первые же годы своей новой, зрелой поэтической деятельности Абай пытается открыть народу глаза на причины его страданий. В правдивых, резких стихах он громогласно обличает и беспощадно бичует пороки феодально-родовой чиновничьей знати, призывая народные массы к просвещению, которое одно может указать им путь к иной жизни. В это время счастливый случай свел Абая с русскими ссыльными революционерами 1870-1880-х годов. Это были представители русской интеллигенции, воспитанные в духе революционно-демократических идей Чернышевского и Добролюбова. Один из них, Е. П. Михаэлис, являлся ближайшим и активным сотрудником известного русского

революционера-публициста Шелгунова и даже был связан с ним родством. Как Михаэлис, так и позднее сосланные в Семипалатинск Леонтьев и другие прибыли сюда сравнительно молодыми людьми. Знакомство Абая с этими людьми вскоре перешло в большую дружбу. На лето они выезжали в гости в аул Абая, зимой поддерживали с ним постоянную переписку. С исключительным вниманием и отзывчивостью русские друзья помогали самообразованию Абая, подбирая для него книги и отвечая на его вопросы. В условиях ссылки они росли как публицисты и ученые-общественники, изучая быт, естественно-географические условия края, их новой родины. Постепенно они становились первыми распространителями культуры в отсталой окраине, ревнителями интересов просвещения, преобразования жизни, быта, истории народов края. В результате этой деятельности мы имеем много трудов по различным отраслям знания, написанных Михаэлисом, и объемистое исследование Леонтьева «Обычное право у киргизов». Эти представители русской демократической интеллигенции придавали большое значение просветительной деятельности. Отличаясь от обычного круга степных, провинциальных чиновников из канцелярий губернаторов и уездных начальников хотя бы своей оппозицией царизму, они в той или иной степени считали просвещение важным средством борьбы с царизмом. Знакомить таких людей, как Абай, с наследием русских классиков и других передовых носителей русской культуры было, конечно, их ближайшей целью. Они это и делали повседневно. Абай, в свою очередь, в сближении казахской и русской культуры видел единственно верный путь спасения казахского народа от вековой темноты. Великий поэт-просветитель стал последователем идеи братства и дружбы народов. В своих стихах он стремился внушить казахскому народу, что нужно уметь отделять русский народ от царских колонизаторов:

*Прямодушному злобно кричим: «Урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз.*

.....
*Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви чрез все рубежи.*

(«Бестолково учась, я жизнь прозевал...»)

Дав многое Абаю в его поисках знания, друзья и сами многое почерпнули у него, пользуясь его глубокими и обширными сведениями по истории, обычному праву, поэзии и искусству, экономике и социальному быту многих народов, родственных казахам. Необыкновенно широко раздвинулся горизонт Абая, когда он познал подлинные ценности духовной культуры русского народа. Абай становится страстным почитателем Пушкина, Лермонтова, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого. С самого того памятного лета 1886 года — с начала своей открытой поэтической деятельности — Абай стал переводить на казахский язык произведения Крылова, Пушкина, Лермонтова, впервые делая их доступными и понятными для своего народа. Будучи не только поэтом, но и композитором, глубоким знатоком и тонким ценителем казахской народной музыки, Абай создает ряд мелодий — главным образом, для тех своих стихов, которые вводили в казахскую поэзию новые, не известные ей до этого, формы (восьмистишия, шестистишия и т. д.). Он создал мелодии и к своим переводам отрывков из «Евгения Онегина». В 1887–1889 гг. имя Пушкина и имена его героев, Онегина и Татьяны, пролетев над степями на крыльях этих песен, стали такими же родными для казахского народа, как имена казахских акынов и героев казахских эпических поэм. К этому времени имя самого Абая — поэта, мыслителя и компози-

тора — становится одним из самых популярных и чтимых народом. К нему идут акыны, композиторы, певцы из дальних районов. Знаменитый Биржан, слепая женщина-акын Ажар, женщины-акыны Куандык, Сара и другие разносят по широкой степи его стихи. Вокруг Абая группируются молодые таланты — поэты и певцы, такие, как Муха, Акылбай, Какитай, младший сын Абая Магавья. Некоторые из них, по примеру самого Абая, усиленно занимаются самообразованием, изучают русскую литературу, пишут поэмы исторические, романтические, бытовые. Популярность Абая привлекает к нему не только казахов, но и многих свободомыслящих людей Востока (по преимуществу татарскую молодежь), вынужденных покинуть города из-за преследования властей, или репрессированных царским правительством пришельцев с Кавказа. Так, в ауле Абая месяцами гостили кавказцы, бежавшие из сибирской ссылки и пробиравшиеся по казахским степям к себе на родину. Аул Абая постепенно становился центром притяжения для прогрессивно настроенных, передовых людей того времени. Длительная и прочная дружба Абая и ссыльных революционеров глубоко тревожила администрацию края. Сведения об Абае как об опасном для царизма человеке доходят до семипалатинского военного губернатора и до генерал-губернатора Степного края. За аулом Абая и за всем, что происходит там, устанавливается негласный надзор. Абай как авторитетная в казахской степи личность и как опасный и смелый провозвестник правды, изобличитель пороков существующего порядка становится предметом постоянного и бдительного внимания приставов, урядников, волостных управителей. Между тем, культурная среда почитателей таланта Абая все увеличивается с каждым годом. Его влияние широко распространяется и на город. Поются, переписываются и заучиваются не только его собственные стихи, но и произведения его друзей. В

форме устного сказа распространяются по степи романы западных и русских писателей, прочитанные Абаем и пересказанные им своим слушателям-сказочникам. Так проникли в степь в устной передаче популярные среди абаевских слушателей «Три мушкетера», «Генрих Наваррский» Дюма, русский народный сказ о Петре Великом, романы из времен инквизиции, «Хромой бес» Лесажа (под названием «Хромой француз»). Со слов Абая пересказывались романы о пионерах-переселенцах американских прерий, поэмы Лермонтова, множество восточных поэм, таких, как «Шахнаме», «Лейли и Меджнун», «Кёр-Оглы» и т. д. Распространению таких произведений способствовали, по примеру Абая, многие европейски образованные его друзья. Сам поэт обучал своих детей в русских школах. Его дочь Гульбадан и сыновья Абдрахман и Магавья с малых лет были посланы им в город, в русскую школу. Впоследствии Абдрахман получил солидное образование, окончив Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, а дочь и другой сын, Магавья, вернулись в аул только из-за слабости здоровья. Однако и здесь Магавья становится одним из самых ревностных и старательных последователей своего отца. И Магавья, и старший сын Абая Акылбай были поэтами. Лучшим произведением Магавьи считается написанная по совету Абая поэма «Мегдаг-Касым» о борьбе раба с хозяином-плантатором, действие которой происходит на берегах Нила. Акылбай создал романтическую поэму «Дагестан».

Все эти произведения, как и произведения самого Абая, распространялись среди народа и в рукописях, и, главным образом, в пересказах певцов-акынов. Так же доходили до широких масс казахских слушателей произведения Пушкина и Лермонтова. Разносторонняя поэтическая, просветительная и общественная деятельность Абая и его друзей всей силой своего воздействия была направлена против отсталых усто-

ев феодального аула, против конкретных носителей этого зла — родовитых интриганов, невежественных угнетателей народа, против опирающейся на них всей системы царизма. Труды и усилия Абая, его светлая и ясная общественная программа, ориентированная на русскую культуру, его презрение ко всем властью имущим вызывали по отношению к нему люютую ненависть степных феодалов, верных слуг царизма. Они повели непрерывную грязную и коварную борьбу против Абая, против идей, которые служили знаменем просвещенному и непримиримому поэту. Эти враги Абая действовали заодно с чиновничьей знатью, с властями, с продажной мелкочиновной интеллигенцией. Однако эти темные силы страшились народной любви к Абаю и потому не могли действовать против него открыто. Они избрали самые коварные и вероломные методы борьбы. Один из старейшин, непримиримый и злобный враг Абая — Оразбай — сплотил вокруг себя недовольных Абаем представителей степной и городской знати. Они стали преследовать абаевских друзей, клеветать на Абая и, наконец, в 1897 году, при явном попустительстве властей, организовали предательское покушение на его жизнь. Канцелярии губернаторов, уездных начальников, царских судов были завалены всевозможными доносами на Абая со стороны управителей и родовых старшин, которые называли Абая «врагом белого царя», «смутьяном народа», «неугомонным нарушителем обычаев, прав и установлений отцов и дедов». В результате этих доносов в аул Абая нагрянули с обысками чины семипалатинской полиции. Однажды явился сюда с целым отрядом жандармов и сам полицмейстер города Семипалатинска, учинивший обыск во всем ауле.

Неоднократно пытался убрать Абая и семипалатинский губернатор. Но, зная об исключительной популярности поэта среди казахского народа и опасаясь возмущения масс,

он вынужден был ограничиться только изоляцией Абая от его ссыльных друзей. Это прервало их тесную связь с Абаем. Всякую переписку поэта с его друзьями и читателями из отдаленных районов власти контролировали или просто задерживали в своих ведомствах. Но все эти меры не смогли отгородить поэта от народа. Непримируемый, прямолинейный и беспощадный обличитель управителей, биев, родовых старшин и всяческих властей, Абай стал мудрым советником народа во всех невзгодах и бедах. За разумными советами Абая, к его бескорыстному и справедливому суду в спорах начали обращаться целые племена и роды, и не только из ближайших районов. Даже казахи отдаленных уездов — Каркаралинского, Павлодарского, Усть-Каменогорского, Зайсанского и Лепсинского — приезжали к Абаю за разрешением их давних крупных споров по земельным и иным тяжёлым делам. Нередко к нему обращались и с просьбами решить сложные межобластные дела о убийствах, в которых чины и власти не могли разобраться. Эти дела разбирались на особых многолюдных сборах, называемых «чрезвычайными съездами» по разбирательству тяжёлых дел между населением различных уездов: о возмещении убытков безвинно пострадавших народных бедняцких масс, о наказании родовых правителей-феодалов, своими бесконечными интригами навлекавших на народ тяготы и бедствия.

Таковыми «чрезвычайными съездами», на которых выступал, защищая интересы народных масс, Абай, явились: съезд на урочище Кок-Тума, разбиравший тяжбы между казахскими волостями Семипалатинской и Семиреченской областей; съезд на ярмарке Кара Мола; съезд на джайляу Балкибек. Эти последние съезды разбирали тяжёлые дела между казахскими волостями Семипалатинской области. Абай, ни в какой мере не являясь официальным лицом, порой должен был решать спорные дела как избранный третейский судья. Он брался

за них только для того, чтобы избавить от раздоров и спасти от новых набегов безвинные массы народа, чтобы заставить присмиреть разжигателей этой борьбы. По свидетельству современников, мы можем судить, насколько проникновенным, справедливым и бескорыстным был суд Абая в решении таких дел. О его беспристрастности говорит тот факт, что порой к Абаю обращались даже враждовавшие с его сородичами родовые старейшины, посылавшие в областные канцелярии доносы и ложные показания на Абая и все-таки в своей личной тяжбе по бытовым и обычным делам искавшие решения самого справедливого и неподкупного судьи того времени — Абая. Общественная деятельность и поэтические творения Абая были особенно популярны среди казахской молодежи. На многих народных сборищах, поминках, торжественных тоях (пирах), на свадебных празднествах певцами и акынами пелись его песни. Юноши объяснялись в своих любовных чувствах строками стихов Абая. Девушки из родных аулов Абая, выходя замуж, увозили среди своего приданого рукописные сборники стихов, поэм и наставлений Абая. Так, сохранились до наших дней сборники, принадлежащие девушкам Асие, Василе, Рахиле и другим. Но завистливая, коварная и невежественная среда степных правителей не могла мириться с той невиданной славой, которой народ окружил имя ненавистного ей Абая, и они отравляли ему и его друзьям дни труда и кипучей творческой деятельности. Дело доходило до самых безобразных, грязных выходов, глубоко ранивших сердце поэта. Против Абая восстанавливали его племянников, даже его родного брата Такежана; клеветой и угрозами отталкивали от Абая его близких. В этой мрачной атмосфере злобы и ненависти тяжелой и непоправимой утратой явилась для Абая смерть его сына Абдрахмана, наследника его дел, образованного и талантливого человека. Страдавший туберкулезом еще в годы учебы в Петербурге, Абдрахман недолго прослужил в

качестве поручика полевой артиллерии и скончался в городе Верном в 1895 году, двадцати семи лет от роду. Его смерти Абай посвятил много задушевных, печальных строк. В них же воплощены сердечные признания об угасших надеждах и сокровенных думах печальника народа, хотевшего видеть надежного борца за народ в молодом человеке, воспитанном на лучших традициях русской народно-демократической, передовой общественной мысли. Одиноким борцем за правду, за счастливую жизнь народа, надломленный тягостной борьбой и горестной, трудной жизнью, преследуемый тупой, злобной толпой феодалов и чиновников, Абай терпит последний удар судьбы: умирает в чахотке другой его сын, талантливый поэт Магавья.

Раздавленный этим несчастьем и упавший духом, Абай, отвергнув всякое лечение своего недуга, умирает в родных степях на шестидесятом году жизни, пережив сына только на сорок дней. Абай похоронен около своей зимовки — в долине Жидебай, вблизи Чингисских гор. Литературное наследие Абая в последнем издании на казахском языке составляет два объемистых тома. Сюда входят стихи, поэмы, беседы с читателем («Назидания») и многочисленные переводы. Это драгоценный результат многолетних дум, волнений и благородных душевных порывов поэта...

Три великих источника питают своими соками творчество мудрого поэта. Один из них — древне-казахская культура, запечатленная в письменных памятниках прошлого, созданных талантливыми поэтами и сказителями в процессе глубокого и тесного общения с поэтическим наследием родного народа. Абай сумел впитать все лучшее и ценное из этого клада, обогатить свою поэзию.

Другой источник — это лучшие образцы восточной культуры: таджикская и азербайджанская классическая поэзия. Это обращение к культуре соседних народов, которые мы на-

блюдаем с начала XIX века, было, несомненно, положительным явлением для казахской культуры.

Третий источник — это русская, а через нее и мировая культура. Для эпохи Абая само обращение к этому источнику — главным образом, к наследию великих русских классиков, до него совершенно не известных казахскому народу, — явилось фактом огромного прогрессивного значения. Это двигало вперед казахскую культуру того времени и было залогом будущего ее расцвета. Исключительная самобытность, большой талант Абая сказывались в том, что, обратившись к упомянутым трем источникам, он не исказил своего таланта ни фальшью, ни подражательностью. Абай, как художник большого дыхания, органически впитывает в себя новую культуру. Однако при этом он сохраняет полностью свою яркую индивидуальность художника и мыслителя. Обратившись к этим культурам — далеким и не освоенным еще казахским народом, — Абай не только обогатился новыми средствами художественной выразительности. Он обогатил и свой духовный мир новыми идеями. Подобно Пушкину, Абай в самой сущности своего идейного и творческого богатства интернационален, но вместе с тем национален и, бесспорно, народен. Присмотримся ближе к влиянию трех названных нами основных источников творчества Абая. Эти струи часто находятся у него в органическом слиянии, во взаимопроникновении, что естественно для творчества зрелого мастера. Поэтому, касаясь различных этапов творчества Абая, мы можем говорить об этих элементах только как о преобладающих признаках.

Большинство стихов Абая, относящихся к восьмидесятым годам, посвящено своеобразному укладу и быту казахского аула и исторической судьбе современного ему общества. Вместе с тем поэт производит глубокий художественно-критический пересмотр духовных ценностей своего народа и провозглашает свою новую поэтическую программу, проникнутую

стремлением к преобразованию общества. В этих произведениях Абай близко соприкасается с народным наследием. Но именно здесь мы особенно ясно видим, как резко отличается его поэзия от народного творчества. Поэт не воспроизводит речевой и поэтической культуры народного творчества в канонизированном, традиционном виде. И словарь, и образная система, и стилистические приемы устного творчества углублены Абаем, наполнены новыми мыслями и чувствами, характеризующими его мироощущение. Иные идеи, иные порывы духа запечатлены в его стихах. И прежде всего в них резко сказалось непримиримое отношение поэта к общественному укладу тогдашнего аула с его архаическими пережитками, с мракобесием и раздорами развращенной феодальной верхушки, с бедственным и безысходным положением трудовых масс. Огромное количество стихов Абая, начиная с «Вот и старость...», «О казахи мои...», «Наконец, волостным я стал...», «Коль у тебя в чужом роду...», беспощадно бичует невежество, сутяжничество, взяточничество, паразитизм, духовную нищету вершителей судеб казахского народа. Впервые в казахской литературе так отчетливо и на такой моральной высоте высказано новое отношение к семье, к родительскому долгу, к воспитанию молодого поколения и, главное, к женщине. Безотрадная, злосчастная доля восточной женщины, изображенная в народных поэмах и бытовых песнях, приобретает в творчестве Абая новый смысл. В своей поэзии Абай раскрывает самую душу женщины и девушки, их сокровенные мысли и чувства, о которых так мало было рассказано до него в поэмах, и песнях, отражавших главным образом внешнюю сторону ее трагической судьбы. Абай показывает, как трогательна, искренна и глубока их любовь, когда они сама выбирают себе возлюбленного, как сильна и непоколебима их воля в борьбе за вырванное с таким трудом счастье. Абай воспевает казахскую женщину-мать как опору разумной семьи. Воспевает ее готовность к самопожертвованию

нию, ее мудрость и стойкость ее преданной дружбы, цельность ее прекрасной и верной души. Страстно отрицая позорный институт калыма, многоженства и порабощения, Абай в своих стихах борется за равноправие женщины в обществе. Язвительно нападая на вековые устои старого аула, на косность, лень, Абай в то же время воспеваает деятельную волю и любовь к труду как необходимые качества разумного и жизнеспособного человека. Со всей силой своих обличительных стихов он разрушает каноны господствовавшей до него дидактической, наставительной поэзии. В своей поэтической программе, выраженной в стихотворениях «Не для забавы я слагаю стих...», «Поэзия — властитель языка», «Если умер близкий...», он провозглашает высокой целью, историческим призванием новой поэзии служение народу, призыв ко всему новому, что должно перевоспитать, преобразовать общество.

Только труд и борьба за свои права принесут независимость степной бедноте, только упорное стремление к знанию принесет лучшую жизнь подрастающему поколению. Этот призыв к просвещению выражен не в сухой проповеди. Вся система поэтического мышления и художественных образов Абая ориентирует казахское общество на русскую и через нее — на мировую культуру, высмеивая схоластику и фанатизм мусульманских медресе, питомцы которых лишь углубляют невежество и усиливают бедственное положение аульных масс. В этих стихах Абая произведена радикальная переоценка основ степного общества, дедовских традиций, обычных прав и общественной морали; жизненный путь человека определяет разумная воля, искренность, благородство чувств и полезная деятельность, а не тупое освоение обветшалых обычаев и традиций. Такую же остроту и глубокую содержательность приобретает в творчестве Абая вопрос об отношении человека к природе, к труду, к борьбе за преобразование жизни. Смысл человеческого существо-

вания осознан по-новому. Большой цикл стихов Абая посвящен коренному пересмотру всех основ современной ему общественной морали, построенной на традициях и обычаях прошлого. Абай, затрагивающий все животрепещущие вопросы и проблемы, которые волновали народ, предстает перед нами в этих стихах как выразитель его мыслей, его чаяний. В этих стихах Абай самобытен и неповторим как поэт, провозглашающий новые идеи, прямолинейно и резко проводящий свою действенную социальную программу. Одной из ярчайших черт всей деятельности Абая является его проповедь просвещения через сближение с русской и общечеловеческой культурой. Ни языковые, ни религиозные различия между народами, ни исторические дали, разделяющие народы на протяжении веков, не признаются Абаем за препятствия на пути прогрессивного роста своего народа. Учиться, учиться у всех народов, имеющих накопленную веками культуру!.. У Абая было свое, особое отношение к восточной поэзии, ко всей прошлой и современной ему культуре Ближнего Востока. Еще в молодости сказалось на Абае влияние Востока. Он знал в оригинале (частично — в переводе на так называемый чагатайский язык) весь арабо-персидский героический эпос и великих классиков Востока: Фирдоуси, Низами, Сзади, Хафиза, Навои, Физули. Тогда он и сам подражал этим поэтам, впервые введя в казахский стих размер «аруз» и множество арабо-персидских слов, заимствованных из поэтической лексики этих классиков. Впоследствии, найдя в народном творчестве более жизненные и прочные основы искусства, Абай отобрал из восточной литературы народные творения — «Тысячу и одну ночь», персидские и тюркские народные сказки и народный эпос. В его пересказах стали популярными в степи поэмы: «Шахнаме», «Лейли и Меджнун», «Кёр-Оглы».

Изучая историю ближневосточной культуры, Абай знал исторические труды Табари, Рабгузи, Рашид-эд-Дина, Бабура, Абулгази Багадур-хана и других, знал также основы логики и мусульманского права в толковании ученых богословов Востока. Не только древняя история, но и современное состояние культуры Ближнего Востока было хорошо известно Абаю. Он знал и труды первых татарских просветителей.

В поэтическом наследии Абая чувствуются лучшие традиции древневосточной классической поэзии. В песнях любви, в лирических раздумьях, в философско-моралистической поэме «Масгуд» видно несомненное влияние восточных классиков. Но это только внешние признаки. Новое идейно-художественное содержание, правдивость чувств, глубоко проникновенное ощущение жизни, конкретное, «земное» осознание мира вещей и человеческих отношений у Абая бесспорно оригинальны и не зависимы от восточных образцов...Абай, поклонник ясного критического разума, часто прямо отрицает официально проповедуемые догмы ислама. Религии для него — только условность, только повод для личного совершенствования человека. В цикле стихов, посвященных муллам, фанатикам, распространителям ислама или схоластикам, толкователям корана, Абай едко высмеивает их корыстную притворную набожность и не стесняется называть их «прожорливыми паразитами с широкой глоткой коршуна, раздирающего падаль». Таким образом, арабо-мусульманский Восток находит свое место в творчестве Абая критически переоцененным, воспринятым самостоятельным мировоззрением поэта...Абай прошел длительный путь самообразования, изучая русскую и западную культуру. Начав с Пушкина, Лермонтова, Крылова, он обращался и к литературе шестидесятых-восьмидесятых годов, причем любимыми его авторами стали не только поэты, но и великие русские прозаики — Лев Толстой, Салтыков-Щедрин. По русским переводам Абай узнал Гете, Байрона и других великих западноев-

ропейских классиков. Он был достаточно знаком и с античной литературой. Пользуясь лермонтовскими переводами, Абай перевел на казахский язык некоторые стихотворения Байрона и Гете. По свидетельству ссыльных его друзей (Леонтьева и др.), Абай систематически занимался западной философией, в частности — философией Спенсера, Спинозы, интересовался учением Дарвина. Творческий подход Абая к русской классике отличался новыми чертами в каждую новую пору его деятельности. Переводя Крылова, Абай порою изменял дидактическую часть, мораль басен, перерабатывая их в новые сентенции, применительно к представлениям и понятиям казахов. С огромной тщательностью и особой любовью переводил Абай стихи Лермонтова. Из них «Кинжал», «Выхожу один я на дорогу», «Дары Терека», «Парус», отрывки из «Демона» до сих пор остаются непревзойденными по мастерству среди переводов русских классиков на казахский язык. Совсем особое отношение было у Абая к Пушкину. Переведенные им отрывки «Евгения Онегина» скорее не перевод, а вдохновенный пересказ пушкинского романа. Пораженный правдивостью и высокой поэтичностью образов Татьяны и Онегина, Абай пересказал их историю, подчеркнув поучительность цельного чувства любви и приблизив эту любовь к пониманию казахской молодежи. При этом Абай следовал узаконенной в восточной поэзии древней традиции «назира», в силу которой поэт по-новому раскрывает сюжет и темы своих предшественников. Так, мы знаем «перепевы» сюжетов «Лейли и Меджнуна», «Фархада и Ширин», поэм об Искандере у поэтов таджикской, азербайджанской и узбекской старины. Сам Абай в плане такого перепева говорит в своей поэме «Искандер» об Искандере и Аристотеле, следуя в этом примеру азербайджанского классика Низами и узбекского — Навои. Эту манеру вольного поэтического пересказа великого наследия прошлого Абай применил и к «Евгению Онегину». При этом Абай не изменил образа Татьяны в тончайших

проявлениях ее русской души. «Евгений Онегин» Пушкина в абаевской версии принял форму эпистолярного романа. Сложив мелодии на «письма» — объяснения Татьяны и Онегина, — Абай ввел в репертуар акынов чудесные излияния душ влюбленной пары, и их имена стали настолько популярными, что эти «письма-объяснения» не только пелись, но порой их же словами начинались любовные послания и объяснения самой казахской молодежи. Переводческая работа Абая, имевшая огромное значение для развития казахской литературы, показывает, однако, лишь непосредственную связь его с русской и европейской литературами. Глубокое же и органическое влияние этой культуры и художественных традиций надо искать в собственном творчестве Абая. Несомненным итогом благотворного влияния русской поэтической культуры было смелое обогащение Абаем казахской поэзии новыми формами (Абай ввел одиннадцать не существовавших до него стихотворных форм), новой тематикой, новым социальным содержанием. Это резко повысило качественный уровень казахской поэзии. Хотя Пушкина Абай переводил реже, чем других русских классиков, общение с великим русским поэтом глубоко и ярко сказывалось в собственном его творчестве: в нем очень много пушкинских черт — и в лирических раздумьях, и в описаниях природы с пушкинским реалистическим пейзажем, и в проникновенном понимании любящего женского сердца, и в общечеловеческом звучании социальных мотивов. Только глубокая внутренняя связь с пушкинской и мировой поэтической культурой дала Абаю возможность создать его песни о четырех временах года, его лирические стихи и поэтические размышления, его стихи о назначении поэта, поэму об Александре Македонском и Аристотеле.

В стихах о четырех временах года Абай рисует казахский пейзаж и быт кочевого казахского аула. Но в восприятии природы, во взгляде на этот своеобразный бытовой уклад, в про-

низывающем их поэтическом настроении сказывается новое качество мыслей и чувств поэта, до него небывалое в казахской литературе. В стихотворении, посвященном поэту, Абай противопоставляет низменной и косной среде, окружающей поэта, его независимость, правдивость, гордость и взлет его вдохновенной мысли. Здесь Абай в своих взглядах перекликается с Пушкиным. Замечательно также сходство мотивов в творчестве Абая и Салтыкова-Щедрина. Абай не писал художественной прозы, но в сатирических стихах, с убийственной меткостью высмеивающих степных управителей, чиновников, биев, родовых старейшин, Абай художественно и политически близок к Салтыкову-Щедрину. В одном из своих обращений к учащимся Абай называет имя Салтыкова как писателя, давшего верные портреты чиновников, угнетателей народа. Не отдельными, случайными высказываниями, а всем содержанием своей поэзии Абай отрицает политический строй этого времени, и поэтому его одобрение и сочувствие русским классикам, выразившим оппозицию правительству, сказались в беспощадном изобличении местных властей — представителей царского аппарата.

Абай воспринял эстетические принципы Белинского и обратил силу своего дара на служение обществу. Он так же глубоко постиг основы мировоззрения Чернышевского и, следуя ему, не только воспроизводит всю неприглядную правду современной ему действительности, но и выносит беспощадный приговор этим уродливым явлениям казахской действительности своего времени...

Абай оставил нам не только свою поэзию.

В его философско-критических и моралистических «Назиданиях» мы находим большое количество афоризмов. Мудрые и лаконичные, эти афоризмы давно уже вошли в обиход казахского литературного языка. Трудно назвать жанр, к которому можно было бы отнести «Назидания».

Здесь и философско-моралистические, и общественно-публицистические, и изобличительно-сатирические высказывания поэта. Нося в целом характер то мирной, то иронически-желчной, то глубоко грустной, даже удрученной беседы со своим читателем, эти «слова», прежде всего, отличаются исключительно тщательной стилистической отделанностью. Если это рассуждения — то рассуждения поэта, высказанные мастерским, выразительным, образным языком. Адресованные порою непосредственно к слушателю-собеседнику, они иногда носят форму прямого и изустного обращения к нему с глазу на глаз. И тут Абай становится часто гневным судьей или печальником народа, и в таких случаях нередко его «слова» превращаются в скорбную исповедь человека, обреченного на одиночество в мрачный век господства беспросветной тьмы.

В ту пору, когда сочинения поэта распространялись еще в рукописных списках, его «Назидания» входили в каждую новую книгу. Особенно зачитывались ими люди старшего поколения, которые украшали свою речь вставками из «Назиданий», подолгу толкуя о смысле и поучительных выводах этих рассуждений. Видимо, и сам поэт, понимая большую доступность прозаической формы высказываний своих разнообразных, острых и глубоких мыслей и заранее зная круг читателей этого вида его творчества, нередко старается говорить их языком, пользуется их моральными оценками...

Абай был также талантливым и оригинальным композитором. Помимо многих стихов, посвященных песне и музыке, Абай создал около двух десятков мелодий. Такой же новатор в музыке, как и в поэзии, Абай вложил в свои мелодии новое содержание и создал стиль, отличный от существовавших до него народных мелодий. И здесь проявилась вся многогранность творческой натуры Абая...

АБАЙ КУНАНБАЕВ

СЛОВА НАЗИДАНИЯ

ПЕРВОЕ СЛОВО

Хорошо ли я прожил до нынешнего дня, плохо ли, но пройдено немало. Всего было вдоволь в этой жизни: и споров, и тягостных пересудов, и борьбы, и недостойных ссор... Но вот, когда уже виден конец пути, когда обессилел и устал душой, я убеждаюсь в бесплодности своих благих намерений, в суетности и бренности человеческой жизни.

И терзает мысль: чему же посвятить остаток дней своих? Чем заняться?

Попытаться облегчить страдания народа? Невозможно. Народ неуправляем. На это идет только тот, кому судьбой уготованы людская неблагодарность и проклятия, или молодежь, чье сердце горячо и не изведало еще горечи поражений. Меня же, знающего эту истину, сохрани Аллах от искушения.

Может быть, умножать стада? Не хочу. Пусть дети, если им надобно, разводят скот сами. Было бы грешно тратить последние силы на то, чтобы облегчить существование воров, лиходеев и попрошаек.

Постигать науки и дальше? Не получается. Некому передать свои знания, как и не у кого взять их. Что толку сидеть в безлюдной пустыне, разложив дорогой товар и держа в руке аршин? Когда не с кем поделиться своим горем или радостью, то и сама наука оборачивается тягостью: быстрее старит человека.

А может, посвятить себя служению Богу? Не выходит. Для веры, прежде всего, нужен покой. Откуда взяться благочестию, когда ни в чувствах моих, ни в повседневной жизни нет успокоения и в помине? Эта земля не терпит богомольцев.

Заняться воспитанием детей? Не могу. Воспитывал бы, если б знал, как и чему их учить, и нужно ли это вообще народу, который я вижу сегодня. Не представляю будущего детей, достойного применения их образованию и силам, потому не мыслю и пути воспитания.

Наконец решил: возьму в спутники бумагу и чернила и стану записывать все свои мысли. Может быть, кому-то придется по душе какое-нибудь мое Слово, он перепишет его для себя или просто запомнит; а если нет — мои слова, как говорится, останутся при мне.

На этом я остановился, и нет у меня иного занятия, чем письмо.

ВТОРОЕ СЛОВО

В детстве я не раз слышал о том, как казахи, увидев узбеков, смеялись над ними: «Ах вы, широкополые, с непонятной трескотней вместо человеческой речи! Вы не оставите на дороге даже охапки перегнувшего камыша! Вы, принимающие ночью куст за врага, на глазах лебезите, а за глаза поносите людей. Трещите без умолку, потому и имя вам “сарт”, что означает “перестук” или “треск”».

Смеялись казахи и над ногаями-татарами: «Эй, татары, боитесь вы верблюда, верхом на коне устаете, отдыхаете, когда идете пешком. Ловкость у вас медвежья, и не ногаи вам имя, а нокай — “несуразные”. Поэтому, наверное, только и видишь вокруг: солдат — татарин, беглец — татарин, бакалейщик — татарин».

Смеялись и над русскими: «Рыжие делают все, что им взбредет на ум. Увидев в бескрайней степи юрты, спешат к ним, сломя голову, и верят всему, что им скажут. Просили даже показать “узун-кулак”, а попробуй увидеть глазами, как о тебе узнали на другом конце степи...»

Я радостно и гордо смеялся, слушая эти рассказы. «О, Аллах, — думал я в восторге, — никто, оказывается, не сравнится с моим великим народом».

Теперь я вижу: нет растения, какое не выращивал бы сарт, нет вкуснее плода, чем в саду у сарта. Не найти страны, где бы сарт не побывал, торгуя, просто нет вещи, которую бы он не смог смастерить. В городе недосуг следить за делами друг друга, поэтому они и дружнее нас. Раньше ведь они и одевали казахов. Даже саваны для покойников брали у них, отдавая взамен скот, ради которого глупо убивали друг друга. Когда же пришли русские, сарты опять же опередили нас, переняв у русских их мастерство. И богатство, и набожность, и сноровку, и учтивость — все можно найти у сартов.

Смотрю на татар. Они и солдатчину переносят, и бедность выдерживают, и горе терпят, и Бога любят. Умеют трудиться в поте лица, знают, как нажить богатство и как жить в роскоши. Даже самых избранных богачей они выгоняют из дома: «Наш пол сверкает не для того, чтобы ты, казах, наследил на нем грязными сапогами!»

О русских же и говорить нечего. Мы не можем сравниться даже с их прислугой.

Куда исчезли наше хвастовство, гордость за свой род, чувство превосходства над нашими соседями? Где мой радостный смех?

ТРЕТЬЕ СЛОВО

Почему казахи смотрят друг на друга волками? Почему у них нет соперничества за родичей, нет правдивости? Откуда, когда вошли в их мир праздность и леность?

Великие мудрецы давно заметили: каждый лентяй труслив и безволен; безвольный же человек всегда трус-

лив и хвастлив; хвастливый, кроме трусости, еще и глуп; а глупый всегда невежествен и бесчестен; из бесчестных выходят жадные, неуживчивые, бездарные существа, никому не нужные на свете.

Вот так получилось и с нами. И причина этому — отстранение от земледелия, торговли, ремесла, науки. Мы только и думаем, как бы увеличить свои стада и табуны, обеспечить скотом не только себя, но и детей. Когда же это удается, стада передаются пастухам, а мы, новоявленные богачи, лишь едим до отвала мясо, досыта пьем хмельной кумыс, забавляемся красавицами, наслаждаемся бегом скакунов. Если зимовки становятся тесными, начинаем торги с соседями или борьбу: в ход идут кляузы, взятки, кровная месть. Пострадавший же теснит другого соседа.

И однажды черной песнью родилась мысль: пусть народ беднеет все больше, ибо, чем больше бедных, тем дешевле их труд, тем просторней пастбища и беззащитней зимовки. Мы мечтаем об обнищании соперников, те хотят, чтобы разорились мы. Так скажите мне, разве возможно нам желать добра друг другу?

Мы стали враждовать, драться, разделились на группы и, чтобы отстоять свои богатства и пастбища, начали грызться за власть. Никто не остался в стороне от этой круговерти. Люди не покидали родные края, чтобы научиться незнакомому ремеслу, не возделывали полей, не стремились извлечь пользы из торговли. Торговали лишь собой, примыкая то к одной, то к другой партии. Воры не переводились — они были нужны для ссор. Зато на лучших людей возводились наветы, против них возбуждаются уголовные дела, подбирались лжесвидетели. И все это делалось для того, чтобы преградить путь к власти честным. Оклеветанный и униженный, кто-то из них обращался за помощью к сильным мира сего, и тогда степь теряла еще одного чест-

ного сына. Более гордому выпадал один путь — коротать свои дни в темнице.

Волостные правители добивались своего положения хитростью и коварством и поддерживают неправых, ибо с подобными себе лучше дружить, чем враждовать. Хитрость беспредельна — не определить, кто кого обманет завтра.

Сейчас в ходу пословица: «Не по делу суди о человеке, а по его мыслям». Выходит, люди уверовали, что ничего нельзя достигнуть честным трудом, но все можно добыть обманом.

Где первопричина этой беды?

На три года выбирается волостной. Первый год пролетает в легких обидах людей, избравших его, во взаимных упреках и заигрываниях. Второй год проходит в борьбе управителя с кандидатом на его место: нужно попробовать победить его еще на дальних подступах к выборам. Третий год тянется в обещаниях и посулах, ибо каждый надеется остаться на месте волостного правителя и на следующий период

Я вижу, как в этой сутолоке мой народ мельчает с каждым годом и становится все более безнравственным.

Тяжело смотреть на него.

Почему бы, например, не избирать волостного из людей, получивших образование на русском языке? Если же таких нет, то пусть волостной будет назначен уездным начальником или даже самим военным губернатором. Меньше станет брожений. Хорошо бы судей не избирать, а назначать, чтобы они не оглядывались на каждом шагу на степных воротил. Меньше бы стало наветов.

Бии — степные судьи — уже потому несут вред, что ими на чисто утеряны добрые дедовские традиции. Не каждый бий помнит сейчас «Старые истины», завещанные Есим-ханом, или «светлый путь», проторенный Касым-ханом, или «Семь сводов законов», оставленных мудрым Тауке. А ведь еще нужно знать, что в их законах и правилах устарело, не от-

вечает духу времени и мешает новой жизни. Где нам найти мудрых биев? Их почти нет.

Деды наши, знавшие тайну бытия, говорили: «Там, где сходятся два бия, рождаются четыре спора». Смысл этих слов заключается в том, что четное количество биев никогда не приводит к единому мнению. Думается, лучше из каждый волости избирать по три бия. Избирать самых достойных и на постоянный срок, тогда замена любого из них явилась бы событием и напоминала о справедливости для остальных. Но бии не должны сами решать тяжбы. Ссорящиеся стороны выбирают себе по одному защитнику, к ним присоединяется посредник, и эти трое пусть и ведут конкретное дело. В случае, если дело не будет решено, на помощь им приходит один из биев — степных судей, которого выбирают по жребию.

Не решились бы таким способом, притом, в самый короткий срок, многие споры нашей жизни?

ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Давно замечено, что смех подобен опьянению. Глупый смех — признак беспечности, и от него так же болит голова, как и от болтовни захмелевшего. Беспечность приводит к разорению, оскудению ума и неблагоприятным поступкам. Думаю, что люди, которые предаются глупому смеху, бывают одинаково несчастны и на этом, и на том свете.

К достатку и духовному возвышению ведут разум и собранность, а люди, обладающие этими качествами, как правило, иного склада. Это, конечно, не означает, что нужно всегда быть печальным, предаваться горьким мыслям или остро переживать каждую неудачу. Такой груз непосилен для человека. Просто необходимо забываться в разумном труде, а не в пустом смехе.

Разные есть люди, и для тех, кто замыкается в своем горе, бьется в печали, словно в плену, труд тоже является единственным спасением.

Не радуйтесь дурным поступкам людей. Вы увидели несчастье, и пусть ваш смех будет горьким. Горький смех всегда короток.

Радуйтесь, когда человек совершает хорошее, благовидное дело, ибо вы увидели добрый пример. Смысл содеянного этим человеком сам определит, сколько вы будете смеяться.

Но есть смех, от которого я хочу предостеречь всех. Он рождается не в груди, идет не от сердца, а изменяет лишь лицо. Он бывает красив и звучен, этот деланный смех, и многолик. Гоните его от себя, люди!

Человек приходит в жизнь с плачем, уходит сердясь. Не зная, в чем счастье, люди унижают жизнь пустыми делами. Они преследуют друг друга, хвастают друг перед другом, копят богатство, а когда наступает последний час, готовы отдать все нажитое ими за день жизни. Почему же прозрение приходит к людям так поздно?

Почему бы с самого начала не поверить в свою судьбу и не заняться трудом? Тогда самая скудная земля одарила бы нас своими плодами. Ведь в этом — ее назначение.

Комментарий А. Жаксылыкова:

Обобщая нравственно-психологическое состояние общества, находящегося в полной бездеятельности, особенно глупый смех богатых людей, которым они реагировали на все предложения о необходимости меняться, перестраивать отношения, переходить на оседлость, осваивать науку, образование, законы и правила общественной жизни, Абай недвусмысленно

указывает, что к реальному, надежному достатку ведут разум и собранность, то есть, ответственность человека за свое существование. А труд всегда спасает человека, особенно когда он находится в трудных или даже критических обстоятельствах. Однако этот труд бывает спасительным, когда он сопряжен с верой в свою судьбу, в лучшее будущее.

ПЯТОЕ СЛОВО

Когда грудь полна печали, человек не владеет собой. Языком — тем более.

Я видел казахов, которые умоляли: «О Аллах! Сделай нас беззаботными, как младенцев». Почему взрослость обернулась для казахов тяжестью? Какая забота согнула их?

Горе их можно узнать по нескольким пословицам. Вот они: «Если жить тебе полдня, запасись едой на день», «Бедному и родной отец — обуза», «Человеку скот дороже жизни», «У имущего лик светел, темен он у нищего», «Храбрец и волк сыты в пути», «У щедрого нет врагов», «Берущая рука привыкает и отдавать», «Прав тот, кто владеет добычей», «Кто не почитает богача, тот отвернется и от Бога», «Если голоден, скачи в дом, где идут поминки», «Не живи у озера, где нет рыбы, не живи в ауле, где не знают милосердия».

Разве говорится в них о мире, науке, знаниях и справедливости? Кто уверен, что из-за скота подобные люди не обворуют даже родного отца?

Так чем же взрослый мудрее младенца?

Ребенок боится огня, а взрослому, выходит, не страшна и Божья кара. Дети, когда им стыдно, готовы провалиться сквозь землю, а взрослые, насколько я знаю, в такие минуты даже глаз не прячут. Они способны тут же отречься от тебя,

если ты будешь отличаться от них. И это — мой народ, который я люблю, к сердцу которого мы все ищем тропу...

Комментарий А. Жаксылыкова:

Приведя ряд пословиц и поговорок, Абай выделяет преобладающую в обществе своего времени мещанскую, обывательскую психологию и мораль, которая на первое место всегда ставила интересы личного выживания, материального благополучия, примата хлеба насущного над всем остальным. Определяя такое мышление как недостаток в понимании мира и невежество, Абай подчеркивает роль науки, знания, справедливости как мерил более развитой культуры и цивилизации, к которым должны стремиться казахи, чтобы вырваться из состояния не только социальной, но и духовной нищеты. Следовательно, только принципиально новое образование, в центре которого — наука, дает возможность войти во врата будущего.

ШЕСТОЕ СЛОВО

У казахов бытует пословица: «Начало искусства — в единении, а начало достатка — в жизни».

Но что такое единение, и когда рождается согласие?

Казахи полагают, что единство — это общность имени, пищи, одежды, достояния. Но если так, то какая польза от богатства, и какой вред от бедности? Если у тебя достаток, с тобой охотно объединятся не только родичи, но и чужаки, иноверцы. Люди перестанут искать хлеба на стороне. Зато начнут соперничать, когда запахнет первой неудачей; выпячивать свои заслуги и права, а потом и обманывать друг дру-

га. Какое же это единство? Нет, возможно, единство разума, а не достояния.

«Начало достатка в жизни...» Уточним: какая эта жизнь? Плотская? Та, что называется жизнью в теле и обусловлена едой и усвоением пищи? Но такая жизнь дана и собаке. Может быть, речь идет о бытии? Но оно превращает человека в животолюбца, заставляя пуще всего бояться смерти. Спасая свою жизнь, он будет готов бежать от врага и получить славу предателя, избегая труда, — стать лентяем.

Есть такие стихи:

*Лишь тунеядец и нахал
Готовой пище рад всегда.
Хоть с виду ловок, мразь душой —
Ведь жить привык он без стыда.
Лучше умереть, чем влачить такое существование!*

Качества духовные — вот что главное в человеческой жизни. Живая душа и отзывчивое сердце должны вести человека, тогда и труд его осмыслен, и достаток уместен.

Комментарий А. Жаксылыкова:

Как видим из рассуждений в 6-м слове, Абай продолжает углублять свою мысль об ошибочности досужего мнения многих казахов — на первое место поставить материальный достаток и умение его достигать, то есть практическую смекалку и предприимчивость в бытовом и экономическом плане. Абай не отрицает энергию предприимчивых людей, он ее ставит ниже духовных качеств, которые, на его взгляд более важны в общенародном социально-политическом и нравственном развитии, реально спланивая нацию. Именно духовность возвышает человека и общество

над суетным бытием и потоком времени, то есть, говоря современным языком, — над процессами энтропии. Духовная энергия, если она захватывает массы людей, движет вперед науку, образование, литературу, культуру в целом, на века и этапы поднимая цивилизацию. Особенно наглядно это проявилось в так называемом Мусульманском Ренессансе.

СЕДЬМОЕ СЛОВО

С самого рождения жизнь ребенка складывается из двух различных побуждений.

Одно — это потребность есть, пить и спать, без чего тело ребенка не сможет стать приютом души, не будет расти и крепнуть.

Второе — желание все знать. Дитя стремится ко всему, что видят глаза и слышат уши: тянется к блестящему предмету, пробует его на ощупь и на вкус, ищет сближения с домброй или свирелью, услышав их необычные звуки. Подросши, он интересуется уже абсолютно всем: услышит ли лай собаки или звуки вечернего аула, смех или плач людей. Ребенок становится беспокойным. «Что это такое?», «Почему так получается?», «Зачем это делают?» От вопросов ребенка теряют покой взрослые.

Человек утверждает на Земле, постигая тайны явлений природы или делая определенные предположения на этот счет. Это отличает его от животного, выдает его душу, говорит о разделении разума и воли.

Но почему, вырастая, мы теряем это высокое стремление познавать мир? Почему мы точно так же, как в детстве, не забываем о еде и сне, когда встречаемся с чем-то неизвестным? Почему не идем за теми, кто создает науку и открывает неведомое?

Мы должны были расширять свой кругозор, умножать сокровища, с невероятным трудом накопленные на первых порах жизни. Жажда знаний владела нами, и надо было все остальное тоже подчинить высоким порывам души. Но мы не смогли этого сделать. Мы шумели и галдели, словно воронье, и не пошли дальше аульных распрей. Мы приземлили наши души, перестали верить своему чувству, странно довольствовались созерцанием, не вникая в сущность явлений. Оправдывались тем, что с другими, жившими подобно нам, не случилось еще ничего страшного. Со временем на разумные укоры у нас появились готовые доводы: «Твой разум — для тебя, а мой — для меня», «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, но своим умишком», «Каждому свое»...

В груди не стало тепла, а в сердце — веры.

И далекие дни детства представляются сейчас еще более прекрасными. То было утро, и мы были детьми людей и стремились познать окружающее. Теперь мы взрослые. Но чем мы лучше животных, которые видят мир и не понимают его? Мы тоже ничего не знаем, однако дорожим своим невежеством, мы любим жить, но деремся друг с другом и обнажаем для ударов свои вены.

Комментарий А. Жаксылыкова:

В 7-м слове Абай формулирует очень важную мысль, имеющую философско-онтологическое значение: что стремление к познанию, интерес к миру и сути вещей присущи человеку буквально с рождения. Стремление к познанию — это коренное видовое свойство человека, именно оно сделало его цивилизованным человечеством, планетарным явлением. «Но почему, вырастая, мы теряем это высокое стремление познавать мир?» — задается

беспокойным вопросом Абай. Этот вопрос беспокоит и читателя, а также множество думающих людей. Вслед за Абаем, в ходе его размышлений мы понимаем, что познающее и пытливно ищущее истину дитя превращается в косное, инертное, безразличное существо только по причине влияния обывательской среды, ее мещанских и меркантильных императивов: дескать, зачем все эти абстракции и мечты, к чему забивать себе голову ненужными вопросами? Лишь бы желудок был набит и шкура цела, все остальное — вредные фантазии. Такие ходячие установки были особенно сильны в среде сытого байского клана, и именно с ними пришлось бороться Абаю, когда он выдвинул перед молодежью аулов тобыкты¹ настоятельную задачу — учиться, искать передовые знания, овладевать наукой. «Мы должны были расширять свой кругозор, умножать сокровища, с невероятным трудом накопленные на первых порах жизни. Жажда знаний владела нами, и надо было все остальное тоже подчинить высоким порывам души», — требует поэт, призывая молодежь вырваться из косности и невежества, следовать главному и универсальному архетипу человека, вложенному природой, — познавать, приобретать новые знания, учиться у передовых народов, строить систему образования.

ВОСЬМОЕ СЛОВО

Кто из нас способен последовать мудрому совету? Кто готов прислушаться к наставлениям?

Бии и волостные глухи.

---

¹ Тобыкты — казахский род, входящий в племя аргын. — *Сост.*

Они бы не стремились к власти, если бы ценили мудрость и хотели набраться ума-разума. Но нет — они считают себя верхом совершенства и уверены, что вправе учить людей. И конечно, бию и волостному тут на руку их власть. Став великими, теперь, как они полагают, им остается сделать великим свой народ. Разве могут они позволить себе прислушиваться к советам других, да и где они выкроят для этого время?

Положение обязывает их не попадать впросак перед начальством, не обострять отношений с аульными смутьянами, не допускать в народе брожения. И всегда надо кому-то покровительствовать, постоянно кого-то выручать, а кого-то и брать в ежовые рукавицы. Разве это легко?

Нет, избранники народа слишком заняты.

Богачи считают себя владыками, по меньшей мере, половины мира. Взгляд их не опускается на землю, помыслы витают еще выше. По их мнению, все можно купить за скот. Даже Бога, полагают они, можно соблазнить дарами. Честь, разум, наука, знание для них не дороже скота. . . Разве прислушаются к добрым советам подобные люди?

Нужно пасти и поить стада, оберегать их от лиходеев, волков и непогоды. Для этого требуются честные и добросовестные пастухи, а таких и днем с огнем не сыщешь.

Нет, богачам тоже некогда.

И, конечно, не прислушаются к твоим словам воры, злодеи и мошенники.

Остаются бедняки, которые еле сводят концы с концами. Как будешь досаждать им необходимостью овладевать знаниями и заняться наукой, когда они видят великий пример дурости волостных, биев и богачей? Ведь бедняку и без того хватает печали и горя, с которыми не знакомы эти прохвосты.

ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Странно отношусь я к своему народу. Не пойму, питаю к нему неприязнь или люблю?

Если б любил, то без малейшего сомнения одобрял бы его поступки и среди всех черт нашел хоть одну, достойную похвалы. Сердце бы мое утешилось, и душа бы возрадовалась. Моя любовь не давала бы погаснуть вере, будто мои соплеменники обладают качествами, присущими незаурядному народу. Но нет у меня этой веры.

А если бы не любил, то не разговаривал бы с сородичами, не советовался, не доверял бы им свои сокровенные мысли. Просто не мог бы общаться с ними, и не было бы мне дела до того, что среди них происходит. Откочевал бы, чтоб с глаз долой. Но не смог я сделать и этого.

Напрасно, видимо, я считаю себя земным жильцом. Здоровый телом, я кажусь себе мертвым и не знаю, какова причина опустошения души: то ли досада на свой народ, то ли неудовлетворенность собой, или еще что-то. Я мертв духом. Сержусь, но в груди не рождается гнева; смеюсь, но сердце не встрепенется радостью; разговариваю, а слова кажутся чужими.

В юности у меня и в помыслах не было бросить свой народ и уехать куда-нибудь: я любил его и верил ему. Теперь я в совершенстве узнал казахов и не вижу впереди просвета. Но оказалось, у меня не осталось и сил, чтобы покинуть чужбину и начать новую жизнь. Впрочем, к чему эта попытка?

Может, оно и к лучшему, когда прошлое не вызывает даже печали: последние дни все же удастся прожить, уповая на будущее, надеясь на чудо.

Комментарий А. Жаксылыкова:

В девятом слове Абай даже осуждает себя за бездействие, подозревая себя в глубоко зашедшем инфантилизме:

«Напрасно, видимо, я считаю себя земным жильцом. Здоровый телом, я кажусь себе мертвым и не знаю, какова причина опустошения души: то ли досада на свой народ, то ли неудовлетворенность собой, или еще что-то. Я мертв духом. Сержусь, но в груди не рождается гнева, смеюсь, но сердце не встрепенется радостью; разговариваю, а слова кажутся чужими» (с. 1. 28). Причина такой глубоко отрицательной рефлексии, кажущейся поэту даже болезнью, даже какой-то фазой душевного омертвления, — собственная бездеятельность, отсутствие каких-то сильных инициатив. Интересуясь творчеством Л. Н. Толстого, Абай знал, что великий русский писатель не только звал народ к образованию, просвещению, самосовершенствованию, но и открывал школы для крестьянских детей, писал учебники и хрестоматии, сам преподавал, стремясь к простому и здоровому образу жизни. Однако была ли у Абая возможность открывать новометодные школы в Семипалатинском уезде? Мы этого не знаем, в материалах его биографии ответа на этот вопрос нет. Лучшие годы жизни поэта ушли на деятельность на поприще волостного правителя, если он и преподавал, то только для окружающей его поэтической молодежи, много беседуя с акынами, открывая им глаза на мир. Эта сторона просветительской работы Абая хорошо показана в романе-эпопее М. О. Ауэзова «Путь Абая». Тем не менее, всей душой он был устремлен к просветительской деятельности, что выразилось в его поэзии и прозе, в книгах, которые уже два века оказывают на казахов огромное влияние и являются главными книгами нашего народа.

ДЕСЯТОЕ СЛОВО

Люди молят у Аллаха детей. Они хотят, чтобы дети кормили их под старость, молились за них, не дали погаснуть очагу. Справедливы ли эти желания?

Не дать погаснуть очагу. . .

А может быть, люди бояться за судьбу накопленного ими добра? Мысль о том, что он останется без наследника, а его имущество — без хозяина, наверное, мучила не одного человека. Но к чему заботиться об этом? Зачем перед смертью застилать свои глаза туманом жадности? В народе говорят: «Хороший ребенок — радость, плохой — горе». Знает ли человек, какого ребенка пошлет тебе Всевышний? А он просит Бога переложить на неокрепшие плечи сына свои муки и несбывшиеся мечты. Выдержит ли сын такую нагрузку?

И так ли нужно, чтобы сын творил за тебя молитвы?

Если ты при жизни делал людям добро, то и без сына будет достаточно опечаленных твоею смертью, но если тобой содеяно немало зла, то и молитвы сына напрасны. Люди умирают, сердясь, значит, они обрекают детей на непосильные дела. На этой земле еще не было случая, чтобы недостойный отец смог воспитать сына великим человеком.

Пустое и то, когда говорят, что сын будет кормить родителей под старость.

Во-первых, надо суметь дожить до старости, а это зависит только от тебя самого. Во-вторых, должна быть уверенность, что сын и вправду будет чтить добрые традиции степняков. В-третьих, кто откажется ухаживать за тобой в старости, дорогой мой человек, если у тебя полон двор скота?

И любящий сын не сможет прокормить отца, если бедствует сам, а ведь бывают дети, умеющие добывать на хлеб, и дети, способные делиться с родителями последним куском. Хвала Аллаху, если твой сын радуется за неимущих и убогих. А

если нет? Возьмешь на себя и грех сына, которого, денно и ночью молясь, выпросил у Всевышнего?

Смешны потуги людей.

Сперва они обманывают свое чадо, суля ему то игрушку, то лакомство, и радуются сами, когда удается этим занять ребенка. Потом заставляют его обзывать своих соседей — недругами ведь раньше становятся те, кто ближе, — и снова радуются. Проходит некоторое время, и люди ищут муллу — наставника, недорого берущего за учебу: им кажется достаточным, если сын научится всего лишь читать и писать. При этом мальчику без устали вдалбливают в голову, что другие дети желают ему только зла и плетут наговоры. Я бы хотел видеть, какое добро сделает этот парень людям. Не забудьте: его выпросили у Аллаха.

Правда, они не молят его у Создателя, ибо знают: Всевышний наделил их силой и разумом, чтобы овладевали наукой. Но сила не всегда используется для честного труда. Разум часто растрачивается попусту. Достаточно быть благоразумным, уметь искать и работать без лени, чтобы в доме не иссякал достаток. Но люди хотят богатства и идут на угрозы, хитрость, попрошайничество.

И вот повержены честь и человеческое достоинство, и добыто желанное богатство. Так используйте его в полной мере для получения знаний! Не способны сами, так пусть это сделают ваши дети, ибо без науки нет жизни ни на этом, ни на том свете. Без нее ничего не стоят ни молитвы ваши, ни посты, ни паломничества.

Но я не встречал еще человека, который, разбогатев неправедным путем, нашел бы достойное применение своему состоянию. Бесталанно изобилие, достигнутое подлыми способами, оно оставляет за собой лишь муки, горечь и злобу.

Я знавал богачей, хваставших тугой мошной, потом встречал их несостоятельными. Они не забывали былого довольства, но не стыдились ходить и с протянутой рукой.

Комментарий А. Жаксылыкова:

В десятом слове Абай хлестко отзывается о педагогических потугах людей, которые, вымолив ребенка у Бога, совершенно не заботятся о его внутреннем, духовном мире, то есть, душе, вверяя дело воспитания и обучения дитя мулле, человеку нередко невежественному, не усвоившему универсальные нравственно-этические уроки даже Корана. С точки зрения Абая, люди часто не понимают, что поведение и слова родителей в быту оказывают сильное влияние на детей, являясь часто серьезным негативным педагогическим фактором, производя обратный эффект. Расхожая сплетня, ругань, ссоры, грубая оценка ими соседей или жителей аула оставляют след в душе ребенка, часто становясь ориентиром в отношении к другим людям. В плане этого в мировой педагогике является золотым правилом понимание того, что учитель, наставник, также обучающий родитель должны быть образцом в глазах детей.

Нет никакого сомнения в том, что с точки зрения Абая, объектом педагогического воздействия должна быть именно душа человека, его сознание и совесть, а не тело. А ведь в те времена муллы обучали детей, часто используя розги, вдавливая в голову замороженных детей догмы, схоластику и непонятные, странные формулы. Они, в конечном счете, удовлетворялись тем, что обучаемые дети уже умеют читать и писать, все остальное они в расчет уже не брали. По поводу таких мулл однозначно

высказался и Бауржан Момыш улы: «Здесь будет кстати упомянуть старую казахскую поговорку “Шала молда дін бұзар” (неученый мулла веру портит)» (с. 4. 36).

ОДИННАДЦАТОЕ СЛОВО

Степь заполнили воровство и подстрекательство.

Вор пытается разжиться кражей скота, а богач, как пострадавший, норовит вернуть свое добро с «привесом». Служитель правосудия, разумеется, обдирает и истца, обещая восполнить ему убыток, и вора, суля ему свободу. Людям, считающим себя на уме, тоже не хочется упустить кусок. А выбор у них большой: можно, например, донести на вора, можно помочь ему скрыться, а можно и скупить за бесценок краденое.

Воровство процветает на ниве подстрекательства. Смутьяны ужом заползают в дома и подбивают людей на тяжбы. Одним они шепчут, как стать властителем, другим — как отомстить своим недругам, третьим — как быстро и без хлопот набить себе карман. Они не знают покоя, и не ведают стыда, и сбегаются туда, где пахнет произволом.

Под стать баламутам стоящие у власти. Им уже совсем легко натравливать людей друг на друга и извлекать выгоду, попеременно поддерживая то одну, то другую из враждующих сторон. Они и занимаются этим без зазрения совести.

От всей этой вакханалии томятся простые люди. Он встают стеной за обиженного сородича, сходятся аул на аул, истекают кровью, потом ищут себе новых союзников, где-то идут против совести, продают честь, жену, сородичей. Со временем и не разобрать, за что они сражались и чем заплатились за это.

Все оказались опутанными липкой паутиной подстрекательства и вовлеченными в воровство и забыли о честном труде. Баи перестали смотреть за скотом, бедняки голодают. Пустыми стали понятия о клятве, дружбе, честности и совести.

Когда же наступит конец всему этому? Можно бы пресечь воров, но как укротить богачей, плодящих смутьянов?

ДВЕНАДЦАТОЕ СЛОВО

У нас не повернется язык осудить человека, который совершает то или иное дело, оставаясь благочестивым. Подкупает его чистое, благое намерение, и мы сожалеем лишь о том, что этот человек не обладает еще и знаниями. Да, мало быть богобоязненным, и хорошо, если бы люди всегда помнили два необходимых в жизни условия: первое — это убежденность в могуществе веры, второе — стремление к познанию ее смысла.

Если кто-то уверовал, что он познал смысл религии и жизни, и перестал совершенствоваться, то пусть знает — благочестие его ненастоящее.

Люди же, которые надевают чалму и величают себя поборниками поста и молитвы, считая только это главным в богослужении, но не знают истинного назначения веры, достойны уже всяческого осуждения. Они уподобились людям, которые вместо того, чтобы думать о возвышении души, ищут удовлетворения и покоя.

Нет истинной веры без усердия и воздержанности ее слуг, без постоянного переживания и борьбы за ее чистоту и возвышенность.

Комментарий А. Жаксылыкова:

В двенадцатом слове Абай решительно осуждает процветавшие среди священнослужителей фарисейство, религиозное ханжество, лицедейство, основанное на бездуховности и расчете. По мысли поэта, такие явления особенно опасны, так как муллы часто

выступают аульными учителями — мугалимами, они в поле общественного внимания, к ним прислушиваются люди, и они нередко — образец религиозного поведения и высокой этики.

ТРИНАДЦАТОЕ СЛОВО

Быть правоверным — значит верить во всемогущество и беспорочность Аллаха и принимать иман как учение пророка о всеединстве Аллаха и земного бытия.

Существуют два вида служения Аллаху.

Первый — когда принимают иман не только как нечто святое, но еще и знают, как защитить и укрепить его разумными доводами. Это сознательная вера, и осуществляющих ее можно назвать вероисповедывателями.

Второй — когда люди становятся богобоязненными со слов муллы или чтения священных книг. Это слепая вера, и исповедывающих ее — основное большинство.

Но истинными верующими, конечно, следует признать тех из них, чьих убеждений не смогут поколебать ни угроза смерти, ни тысячи изощренных доводов тысяч людей. Нетрудно догадаться, что таковые должны обладать бесстрашным сердцем, неукротимой волей и крепкими суставами.

А как назвать тех правоверных, которые не посвящены в тайны науки, чтобы проповедовать иман, и не настолько сильны духом, чтобы слепо следовать за верой? Тех, кто выдает черное за белое, а белое за черное цены клятве? Храни нас Аллах от таких! Нет иной веры, кроме сознательной или слепой, и тот, кто извращает иман, пусть знает: его ждет кара. В этом проявится и величие Аллаха, и доброта пророка.

Пусть же будут прокляты люди, чья правда вмещается в живую пословицу: «Нет клятвы, которую не разрубил бы булат, и нет греха, которого не простил бы Аллах».

Комментарий А. Жаксылыкова:

Нет никакого сомнения в том, что качество Иман, которое, по мнению Абая, делает человека духовным существом, воспринимающим свою жизнь на Земле как путь к Истине, — это врожденная совесть, пробужденная и развитая религиозным воспитанием, то есть, высшая нравственность. Иман — это глубокое, имманентное свойство человека, его нельзя привести в душу человека со стороны, например, словами муллы, примером других людей, даже чтением Священного писания. Нравоучения, проповеди, сила убеждения, влияние книги, внушение священнослужителя — все это только условия развития и укрепления веры человека, когда на каком-то этапе она становится безусловной. При этом, как говорят народные поговорки, иногда пример муллы может оказывать даже отрицательное воздействие. Поэтому в народе говорят: мол, не подражай действиям муллы, а исходи из духа Святой книги. Поэтому Абай врожденную справедливость и интуитивную веру ставит выше других проявлений веры, обусловленных разумом или внушением: «Но истинными верующими, конечно, следует признать тех из них, чьих убеждений не смогут поколебать ни угроза смерти, ни тысячи изощренных доводов тысяч людей. Нетрудно догадаться, что таковые должны обладать бесстрашным сердцем, неукротимой волей и крепкими суставами» (с. 1. 37–38). Совесть, справедливость, вера — вот суть Имана, или высшей нравственности, к которой направляет и ориентирует своей поэзией и прозой Абай. Следует обратить особое внимание на те слова Абая, в которых он выделяет так называемых правоверных, которые не сильны в науке сознательной веры, не готовы слепо следовать за буквой Писания,

кто готов выдавать черное за белое и наоборот. Именно они извращают Иман, и поэт призывает быть подальше от таких толкователей учения. Слова Абая актуальны и в наши дни возрождения религии и как следствие — появления как слепых фанатиков, так и многочисленных дилетантов, без должного знания на свой лад интерпретирующих учение.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ СЛОВО

Самое дорогое у человека — это его сердце.

У казахов понятия «мужество» и «трусость» родились от слова «сердце». В народе батыра называют «журекти», что означает — жигит с настоящим сердцем, труса кличут «журексиз», то есть, человеком, у которого сердце отсутствует.

Все лучшие человеческие качества, такие, как отзывчивость, сострадание чужому горю и человеколюбие, рождаются сердцем. Даже нетерпение идет от сердца. И не бывает лжи, когда слово идет от самого сердца, а если язык лжет, значит, сердце просто-напросто обмануто.

Человек с чистым сердцем послушен совету и верен своему слову; он не сможет, подобно собаке, плестись за караваном, а, напротив, способен в самых тяжелых условиях вывести на верный путь заблудших; он готов покориться истине, как бы это ни было для него трудно, и сумеет не склонить головы перед несправедливостью, как бы это ни было легко. Таким видится батыр — человек мужественный и стойкий, не с волчьим сердцем в груди, а с трепетным, человеческим.

Казах тоже человеческое дитя, и ему, как и другим людям, свойственно ошибаться. Но заблуждается он не потому, что глуп, а потому, что ему не хватает твердости внять голосу рассудка. Сердце виновато.

Я не верю людям, когда они говорят, что совершили зло по неразумению. Скорее всего, это случается от слабоволия и пренебрежения к чести. А познав однажды вкус дурного, человек не сразу освобождается от него. Далеко не каждому дано совершить такой подвиг.

Я заметил еще, что жигитов часто ввергают в беду, подгревая их громкими кличками: крепкий жигит, храбрый жигит, ловкий жигит... А ведь яснее ясного, что не только настоящим жигитом, а даже просто человеком трудно назвать того, кто потерял честь и не чувствует стыда, кто потерял над собой контроль и совершает подлость.

ПЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Разница между умными и глупыми людьми представляется мне своеобразным эталоном для сопоставления противоречивого.

И действительно, умный человек стремится познать окружающий мир и принести пользу людям: уши его открыты советам, а память — кладовая светлой грусти. Он постоянно увлечен и ищет в жизни удивительное, необычное, и дни его поисков представляются ему потом самым прекрасным временем его жизни. Никогда он не жалеет о своем прошлом.

Глупый же никак не найдет своего места в жизни. Он увлекается чем попало, заполняя дни бесплодными, бесцельными затеями. Молодость не вечна, но глупец не задумывается над этим. Предавшись потехам, он становится ненасытным и однажды, слишком поздно, замечает, что время согнуло его. Вот и получается, что лучшие годы прошли в собачьих хлопотах, а старость омрачена горьким раскаянием.

Соблазн губит человека. Он зажигает в крови огонь страсти, а страсть — это уже болезнь. Глупец, предавшийся страсти, по-

добен дураку, который, задрав нос, несется без шапки на неоседланном коне, прикрыв его круп полами своего халата.

Умный в это время добивается поставленной перед собой цели без особого шума, действует разумно, вовсе не выставляя себя на посмешище и не теряя головы.

Тот, кто желает увидеть себя в ряду разумных людей, должен раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц отдавать себе отчет: как прожил эти дни, сделал ли что полезное для народа, не ждет ли в будущем раскаяние. А может ведь случиться и так, что вспомнить-то будет нечего.

Комментарий А. Жаксылыкова:

В пятнадцатом слове Абай проводит четкую грань между умным человеком и откровенным глупцом. По мысли поэта, различие между этими типами людей заключается в способности постоянно познавать, открытости души и сердца человека, внимающего голосам жизни и советам умудренных людей. Отличительная черта умного человека — склонность к светлой грусти, и это не удивительно, ибо растущая память человека не может не говорить ему о бренности бытия, о быстротечности настоящего. У такого человека зона прошлого все время растет, ибо таково свойство памяти. Думая о прошлом, он грустит, и его элегия нравственна, ибо проистекает из интенций чистой души. Глупый человек обычно безрассуден, он не умеет учиться у жизни и людей, будучи жадным до удовольствий, он охвачен страстями, и финал его бывает печальным и жалким. Абай характеризует этот тип людей хлесткими словами: «Соблазн губит человека. Он зажигает в крови огонь страсти, а страсть — это уже болезнь. Глупец, предавшийся страсти, подобен

дураку, который, задрал нос, несется без шапки на неоседланном коне, прикрыв его круп полами своего халата» (с. 1. 41–42).

Таким образом, критерий настоящего человека — постоянно познающая, ищущая душа, все осмысливающая, все переживающая и все переводящая в нравственный план. Именно такие люди находятся в истинном духовном генезисе, для них открыт горизонт духовного познания, они могут идти по пути движения к Истине, если у них достаточно сильная воля и открыто око интуиции. Жизнь духа для них бесконечна, и поэтому нет смерти для души. По крайней мере, прожитая жизнь оказалась бесполезной для умного человека с тонкой организацией души, ибо, переживая, думая, а то и страдая, он все перевел в нравственный итог, то есть, опыт был отложен в бессмертную монаду.

ШЕСТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Казаха не очень-то заботит его непогрешимость перед Всевышним.

Он считает достаточным делать то, что делают другие. И вот он падает на колени, творя молитву, встает и снова бьет поклоны. Можете убедиться: он чтит Бога.

Интересно сравнить эти манипуляции с его доводами купцу, приехавшему в аул за долгом. «Вот все, что я смог найти, — говорит он, — хочешь — бери, не хочешь — не надо. Не могу же я достать невозможное только из-за того, что задолжал тебе». Подобной хитростью купца, конечно, можно занять, Бога — не проведешь. Но какова попытка!

Разгадка же тут более чем проста. Не желает степняк обременять себя лишними хлопотами, учиться, развивать свой язык и познавать веру. «Это все, что я знаю, — отчаянно за-

щищается он. — Не могу же я на старости лет переучиваться!» Или с искренним видом утверждает: «Лишь бы не упрекали, что не учен, а в том, что не могу умно говорить, я не виноват. Такой уж у меня язык...»

И между тем, прекрасно понимает, что Всевышний дал ему совсем неплохой язык, точно такой же, как и всем людям.

СЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО

Сила, Разум и Сердце поспорили, кто из них нужнее человеку. Убедившись, что не могут прийти к согласию, они обратились за помощью к Науке.

— Послушай, Наука! — сказала Сила. — Ты ведь знаешь, что без упорного труда нельзя добиться ни мастерства, ни богатства. Только я оберегаю от легкомыслия, от позора мелочных, не достойных человека поступков, от стремления к легкой наживе. Лишь я не даю им падать духом, возвращаю их на верный путь, когда они даже среди белого дня умудряются сбиваться с него. Послушай, Наука! Работая без усталости и сна, люди овладели тобой, выходит, своим взлетом ты тоже обязано мне. Работая без усталости и сна, становятся люди слугами Аллаха, выходит, своею жизнью человечество тоже обязано мне. Так скажи, Наука, почему спорят со мной эти двое?

И заметил тогда Разум:

— Я определяю, что полезно и что пагубно для человека и в земной, и в загробной его жизни. Разве не на этом держится вечная жизнь? Люди поступают по моему велению, следовательно, я знаю цену человеческой силе и понимаю язык науки. Как же можно спорить со мной, если без меня люди не ведают, где искать выгоду, как уберечься от беды, каким образом постигать науку?

Не выдержало Сердце:

— Я — царь жизни! — воскликнуло оно. — Я гоню кровь по жилам, во мне обитает душа, поэтому и нет без меня жизни! Я отравляю сон сытых, нежащихся в мягкой постели в теплом доме, заставляя их страдать за убогих, голодных и бездомных. Мной держится почтение к старшим и снисхождение к младшим. Я — справедливость, удовлетворение, совесть, благодарность и милосердие! Что без меня Сила и Разум? Только люди не способны сохранить меня в чистоте и теряют свою человеческую суть. Но я — царь жизни! И мое назначение невозможно оспаривать! .

Выслушав всех троих, заговорила Наука:

— Слушай, Сила, все, что ты говорила, — истина. Ты сейчас не упомянула о многих своих достоинствах, в этом тоже проявилась твоя сила. Без тебя немыслима жизнь. Но иногда твои возможности оборачиваются для людей жестокостью. Хватка у тебя твердая, и когда ты сторонник неправды — приходит беда. Много от тебя пользы, но немало и зла.

Послушай, Разум, и ты говорил правду. Нет приобретений без разума. Тебе дано открывать людям тайны природы, жизни, души; верно, что даже о своем Создателе люди узнают от тебя. Ты владеешь тайнами бытия обоих миров, но это не удовлетворило тебя, и ты стал плодить хитрость и коварство. Тебе ведомы пути к сокровищам обоих миров, и потому на тебя стали опираться и плохие, и хорошие люди. И беда в том, что ты с одинаковой готовностью исполняешь желания и тех, и других.

Вы просили меня определить, кто из вас представляет для человека большую ценность. Но я не хотело бы противопоставлять вас друг другу.

Пусть повелителем для всех будет Сердце.

Ты, Разум, многогранен и разнолик, а Сердце не станет следовать за каждым твоим решением. Хорошее оно одо-

брит и подчинится ему с великой радостью. Плохое не примет, скорее отречется от тебя, чем пойдет на это.

Ты, Сила, могущественна и крута, а Сердце не будет давать тебе воли. Для добрых дел оно не пожалеет себя, от недобрых удержит.

Соединитесь же вместе, и, как я уже говорило, пусть вами ведет Сердце! Если это произойдет, и вы соединитесь в одном человеке, то он станет праведником. Пыль с подошв его ног будет исцелять слепых. В этом — в гармонии и чистоте человеческой жизни — и заключается смысл существования великого мира. Если же вы не сможете объединиться, то я отдам предпочтение Сердцу — царю человеческой жизни. В священных книгах написано: и Создатель тоже заботится о том, чтобы всякое сохраняло свою суть, берегло ее в первозданной чистоте.

Так решила спор Наука.

Комментарий А. Жаксылыкова:

Исходя из этого, понятно, что человек — и субъект, и объект саморазвития, самопознания, самосовершенствования, и на этом пути, помимо ума, который является важным инструментом постоянного развития, нередко на первое место выходит сердце — средоточие особого сознания, играющего координирующую роль в движении души к Истине. В семнадцатом слове мы видим метафорический дискурс в форме диспута внутренних сил.

Следовательно, по мысли Абая, сердце — это средоточие нравственности, око истинной интуиции, безошибочно ведущее человека по пути особого генезиса, то есть, духовного развития, когда очень важно не сбиться с пути, не попасть в капкан

интеллектуальных игр, соблазна и дьявольских ловушек прихотливого разума. Вспомним трагедию великого Фауста. В предпочтении сердца всем другим центрам сознания видны уроки суфийской философии.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО

Человеку к лицу справная, чистая и ладная одежда. Плохо, когда он не следит за собой, и одежда его грязна и помята, но еще хуже, когда человеком владеет страсть одеваться не по средствам, и он кичится своим нарядом.

Существует две категории щеголей.

Одни тщательно следят за своей внешностью: холят лицо, подрисовывают брови, в разговоре то и дело поправляют усы и бороду. Они смотрят фертом и, подобно кокеткам, играют глазами и беспрестанно перебирают пальцами.

Другие извлекают из щегольства выгоду. Для них красивое платье и добрый конь превращаются почти что в источник существования, становятся смыслом жизни. Поэтому на выездах и пиршествах эти франты всегда на виду; они ни за что не упустят случая заслужить похвалу старших по возрасту и положению, привычны к огорчениям своих сверстников, не обладающих таким «богатством», и рады до безумия, когда младшие по возрасту смотрят на них с нескрываемой завистью.

Все это постыдно и глупо.

Человек не должен увлекаться щегольством, ибо, поддавшись соблазну однажды, он рискует навсегда потерять свой человеческий облик. Красивым и сильным делают человека его ум, эрудиция, честь и обаяние. Больше ничто. И глуп тот, кто хочет возвыситься иным путем.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Человек не появляется на Божий свет разумным. Он становится им, слушая людей, видя их дела, трудясь в поте лица. Он постепенно начинает отличать хорошее от дурного, а если ему суждено немало пережить, то он, конечно, и многое узнает.

Человек набирается ума, запоминая слова мудрых. Но любая беседа, какой бы она ни была поучительной, сама по себе ничего не даст. Из услышанного, подобно тому, как очищают зерно от шелухи, надо выделить истину, которую можно употребить с пользой. Так шлифуется разум человека.

Но есть и другая сторона этого процесса.

Если человек кичлив и не переспросит у мудреца непонятное для себя место в разговоре, или, если он беспечен и, переступив порог, тут же забудет услышанное, то какой толк от того, что он слушал мудрые слова? Он оказался невнимательным и глупым человеком, не способным оценить ум. О таких, наверное, и сказал мудрец: «Чем поучать людей, не понимающих слова, лучше пасти свиней, которые признают тебя».

Комментарий А. Жаксылыкова:

Абая как философа всегда занимали вопросы природы ума человека, ибо он понимал, что причины заблуждений и страданий человека в значительной мере носят внутренний, психологический характер. Внешние факторы психологической, ментальной жизни человека тоже значительны и порой бывают решающими в повороте судьбы человека. Однако не забудем, что в одних и тех же социальных или бытовых обстоятельствах люди нередко ведут себя по-разному. Значит, внутренний фактор имеет серьезное значение, если не ведущее. И, понимая это, Абай ставит на первое место в свойствах

ума человека способность анализировать, системно думать, добираться до корня причин, вычленять главное, организовывать поиск и направление своего развития. И здесь, в анализе приобретенного опыта, всего того, что вошло в память и стало объектом ментального внимания, важно выделить самое главное, выделить рациональное зерно знания.

Следовательно, по мысли Абая, сердце — это средоточие нравственности, око истинной интуиции, безошибочно ведущее человека по пути особого генезиса, то есть, духовного развития, когда очень важно не сбиться с пути, не попасть в капкан интеллектуальных игр, соблазна и дьявольских ловушек прихотливого разума.

ДВАДЦАТОЕ СЛОВО

Судьбу, сами знаете, невозможно изменить. И судьбою, кроме всего прочего, человеку дано пережить и чувство пресыщения. Оно навязчиво, это чувство, и, познавши его раз, уже нелегко от него избавиться. Его можно отбросить, собравшись с силами, но оно обязательно возвратится и, в конце концов, одолеет тебя.

Нет вещи, которая не надоела бы не только умному, но и сколько-нибудь мыслящему человеку. Все приедается: и пища, и игры, и смех, и похвала, и наряды, и пиры, и друзья, и даже женщины. Во всем человек находит изъян и беспорядочность, и остывает его былое, казавшееся крепким, чувство привязанности. Мир зыбок, ненадежны силы человека, обманчива жизнь. Ни одному живому существу не дано постоянство. Как же после этого можно упрекать в изменчивости человека?

Чаще всего пресыщение мы встречаем у людей умных, перевидавших на своем веку всякое и переживших не однаж-

ды горький стыд за ближнего. Я думаю, что люди устают от быстротечности счастья. И в такие минуты мне особенно кажется, что судьба глупых и беспечных подобна удаче.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО

От похвал невозможно уберечься.

Одних превозносят за то, что они не хвалятся сами. У этих людей, можно сказать, высокое имя. Они считают себя вне всяких похвал и больше всего на свете заботятся о том, чтобы не прослыть глупыми, легкомысленными, бессовестными, нетвердыми и бесполезными. Они остерегаются прозвищ обманщиков, вымогателей и сплетников, считая носителей подобных качеств низменными людьми, и, конечно, ставят себя выше их. Это свойство особенных и совестливых. Для них важно не то, что их не будут хвалить, а то, что не отнесут к разряду ничтожных.

Другие же, наоборот, из кожи лезут, чтобы удостоиться о себе лестных отзывов. Они счастливы, когда их гладят по головке и называют баями, батырами и удалцами. Странно то, что для них не существует плохих эпитетов. Эти люди глухи к ним, даже когда слышат их по своему адресу.

Это и есть настоящая хвастливость, и одержимые ею делются на три категории.

Первые ищут таких похвал, которые поразили бы и чужаков. Представитель этого рода хвастунов, разумеется, глупец, но при этом все же человек.

Вторые добиваются похвал, чтобы блистать среди своего народа. Мы, безусловно, имеем дело с полным глупцом и далеко не полноценным человеком.

Третьи, подобно крохоборам, наскребают похвалы, которые оценят хотя бы в собственном доме; эти, несомненно, из породы идиотов.

И вот что еще любопытно. Тот, кто стремится быть заметным в глазах врага, добивается, чтобы его поднял на щит народ. Тот, кто хочет, чтобы его почитал народ, домогается похвал своих соплеменников. А среди близких родственников хвастун сам себе судья и, конечно, вознесет себя до небес.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Кто сегодня среди казахов достоин уважения и любви?

Баев невозможно почитать, потому что их, как таковых, нет. Баи должны быть независимыми, а эти, кого мы сегодня видим, не могут свободно распоряжаться даже собственным богатством. Враждуя с соперником, богач набирает себе сотню жигитов для защиты и платит им за службу скотом. При этом глупо полагает, что поступает так по своей воле. Нет, он не одоривает их по доброте или в благодарность за услугу. Природа богача такова, что он несет в себе смуту и раздоры, плодит вокруг себя проходимцев и рыцарей ночи, и в конце концов приходит расплата: богач сам становится их жертвой и униженно раздаривает свое добро налево и направо.

Не осталось и настоящих мурз — потомственных вельмож. Слово «мурза» в народе понимается как «щедрый» или «благородный». Так вот, теперь щедрых не найдешь, а кинешь камень — и обязательно попадешь в мурзу, который только и умеет брать и давать взятки. Вот уж, поистине, «берущая рука привыкает и отдавать»... .

Нет, и мурзы теперешние не достойны уважения.

Можно бы почитать биев и волостных правителей, но они получили власть не от Бога. Они купили ее или выпросили. Как после этого заставишь себя склонить голову перед такими?

Приятно почитать сильных людей, но не стало среди них радеющих за добрые дела. А сильных в дурном хватало во все времена. Разве стоят они человеческой любви?

Хочется уважать умных, но не сыскать в степи благородных и совестливых. А на хитрость и коварство у людей всегда доставало ума. Разве стоят они человеческого внимания?

Уважал бы я невезучих упрямцев, убогих и беспомощных, но они не способны сесть даже на лежащего верблюда. А если и найдут силы взобраться на него, то не откажут себе в удовольствии что-нибудь и подцепить.

Остаются хитрецы и мошенники, а они не угомонятся, пока не сведут тебя в могилу.

Так за кого же болеть на этой земле и кого любить?

Выходит, только за кротких, которые следуют пословице: «Жажущий счастья избегает тяжб». Они терпят неслыханные унижение от воров, лиходеев и плутов, но плохи даже тогда, когда уступают свое кровное имущество. Судьба научила их безропотно отдавать одну половину своего достояния, чтобы спасти вторую. Скромнее их не найти на этой земле, и, может, стоит все же пожелать им благополучия! .

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Есть у человека одна особенная радость и одно утешение, не делающие ему чести.

Радость эта такая: отыщет он в народе скверного человека, увидит чей-то дурной поступок, которого сам не совершил, и чувствует себя на седьмом небе. «Упаси Аллах уподобиться такому! — замечает он не без удовольствия. — А ведь он считает себя человеком, разве по сравнению с ним я не чист, не лучезарен?»

Но разве Всевышний сказал ему, что достаточно быть лучше дурного человека? Где та светлая голова, которая убедила его, что он хороший только потому, что на свете есть люди недобрые и глупые?

Когда скакун получает приз на байге, в которой участвовало сто лошадей, то какой толк справляться, скольких он перегнал? Какая радость от того, что за ним пришли, скажем, еще пять или десять скакунов?

Ценность человека определяется сопоставлением его не с плохими людьми, а с лучшими из лучших.

Утешение же он находит в том, что будто бы живет, как и другие. «Нет ничего зазорного, если я не выделяюсь среди людей, — рассуждает он с легким сердцем. — Той, который празднуешь со всеми, — самый великий той. Хвала Всевышнему за успокоение».

Но разве Аллах сказал ему, что довольно, если он не отстанет от толпы? Или поведал ему, будто Им, Всевышним, толпа не наказуема?

Кто знает: наука движется кем-то одним, или она — достояние всех?

Кто ответит: разум — совокупность знаний многих или духовная сила одного?

И разве не нуждается заблудшая толпа лишь в одном человеке — ясновидце?

Что легче: когда в доме больны все или половина семьи здорова?

Что лучше в великом походе: изнурены лошади всех или половина из них принесена в жертву, чтобы остальные продолжили путь?

Лучше, когда от джута разоряется весь народ или какая-то его часть?

Так почему же для глупого должно служить утешением существование безмозглых дураков?

Разве жених убедит невесту, если скажет, что у него дурно пахнет изо рта только потому, что в его роду у всех так пахло? Вряд ли невеста будет удовлетворена его ответом и скажет: «Будь, как и все в твоём роду, не выделяйся среди них».

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Земной шар населяет свыше двух миллиардов человек, казахи же составляют около двух миллионов.

Казахи по-своему стремятся к богатству, постижению искусства и овладению ремеслами и знаниями, по-своему дружат и враждуют. Всем отличаются казахи от остальных народов: не спуская глаз, выслеживают друг друга, не смыкая глаз, враждуют друг с другом, обкрадывают самих себя.

А ведь есть на свете города с населением, превышающим три миллиона человек, немало можно найти людей, трижды обошедших всю Землю.

Почему нас не интересуется жизнь других народов?

Неужели нам суждено вечно быть на ножах друг с другом? Быть посмешищем в глазах всего мира? Или, может быть, наступят дни, когда и среди казахов исчезнут воровство, ложь, сплетни и вражда, когда казахи научатся копить добро честным путем и усвоят искусство и ремесла других народов, когда они овладеют знаниями?

Не верится в это, когда видишь, как двести человек зарятся на сто голов скота, и знаешь, что они не успокоятся, пока не уничтожат друг друга.

Комментарий А. Жаксылыкова:

В двадцать четвертом слове мы видим, как у Абая вырывается вздох горького сокрушения при виде тяжелого положения казахского народа, оказавшегося в тупике по причине социальной инерции, бездействия, отсутствия инициативы, желания перемен и учебы у соседних народов, освоивших науку, промышленность, образование.

У каждого народа есть свои недостатки, свои достоинства, это известный факт, нет на Земле идеального этноса, как и отдельного человека. Тем не менее, бывают периоды, когда народ входит в полосу великих и грозных испытаний, и если он, засучив рукава, выдвинув на первые ряды лучших своих сыновей и мужей, не начнет готовиться к ним загодя, не осознает необходимость насущных перемен и не приступит к труду обновления, то его положение станет незавидным. Пороки и недостатки при этом начинают бросаться в глаза, историческая и морально-психологическая обусловленность отсталости становится очевидной даже ему самому. В такой ситуации горькая и безжалостная правда — самое лучшее лекарство, ибо она несет осознание реальности ситуации, и в ней есть надежда на обновление и исцеление. Из этого мотива и исходил Абай, взяв на себя миссию народного трибуна и нравственного судьи своего общества. История, особенно XX век с его трагическими катастрофами и невзгодами, социально-политическими катаклизмами, полностью подтвердили провиденциальную правоту Абая.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Обучать детей хорошо, но, чтобы они служили своему народу, надо учить их родному языку. На нашей земле это становится почти невозможным. Сейчас люди стараются сперва разбогатеть, а потом дать образование детям на арабском и персидском языках.

Голодному человеку нелегко сохранять благоразумие и честь, еще труднее сохранить постоянное стремление к наукам. Бедность и, как следствие, вражда с родичами часто

приводят человека к беде: он втягивается в воровство, прибегает к насилию и коварству, привыкает к плутовству. Только тогда, когда человек свободен от заботы о куске хлеба, он сам чувствует необходимость знаний и культуры и прививает эту жажду своим детям.

Нужно овладевать русским языком. У русского народа — разум и богатство, развитая наука и высокая культура. Изучение русского языка, учеба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все лучшие качества этого народа, ибо он раньше других разгадал тайны природы, и избежать его пороков. Знать русский язык — значит открыть глаза на мир.

Знание чужого языка и культуры делает человека равноправным с этим народом, он чувствует себя вольно, и если заботы и борьба этого народа ему по сердцу, то он никогда не сможет остаться в стороне. Такова природа человека.

Но немало у нас людей, которые пытаются добиться милости сильных и знающих, раболепствуя и пресмыкаясь перед ними. Эти невежды способны продать отца и мать, родных и близких, веру и честь, если их благосклонно похлопают по плечу. Ради того, чтобы вызвать улыбку на лице майора, любой из них готов оголить свои зад. Такова природа невежды.

Русская наука и культура — ключ к осмыслению мира, и, приобретя его, можно бы намного облегчить жизнь нашего народа. Но сегодня получается так, что казахи, обучившие своих детей по-русски, норовят пожить при помощи их знаний за счет своих же соплеменников. Нельзя поступать таким низменным способом. Надо употребить их знания для того, чтобы познать разные и в то же время честные способы добывания средств к жизни и сделать это достоянием как можно большего числа людей; направить их усилия на защиту аулов от произвола русских, коль скоро нет у них справед-

ливых для всех законов, бороться за равноправное положение нашего народа среди великих народов Земли.

Больно от того, что казахи, обучившие своих детей по-русски, норовят при помощи их знаний поживиться за счет своих же соплеменников. Родители вкупе со своими родственниками и близкими портят детей. И все-таки эти намного превосходят неграмотных, ибо возможности их чрезвычайно высоки. Заставить же их трудиться надлежащим образом, так, чтобы они принесли пользу, думается, не сложно.

Обеспеченные семьи у нас неохотно отдают детей на учебу, насильно посылаются в русские школы дети бедняков. Вот почему мы не видим сегодня среди образованных ни одной значительной фигуры.

Иногда родичи, ссорясь друг с другом, говорят: «Чем терпеть обиду от тебя, лучше отдать сына в солдаты, а самому отпустить усы и бороду!» Из-за обиды они грозятся принять облик и обычаи чужого народа. Где уж их детям стать большими людьми, если они даже и будут учиться?

Я не видывал еще детей, упорно и основательно овладевающих знаниями: у нас все делается поверхностно, урывками, на ходу. Иные казахи, например, с трудом соглашаются отдавать детей в школы даже тогда, когда все расходы за обучение несет община.

Путь, который я предлагаю, исключает любовь к богатству. Не торопись женить и выделить сына в отдельную семью, а обучи его сперва в русской школе. Пожертвуй всем своим имуществом, если это требуется для учебы. Ничего нельзя жалеть ради того, чтобы из сына вышел человек. Не будет успокоения тебе, если сын останется невеждой, не будет счастлив он сам, и не будет от него блага народу. Вечный страх перед Всевышним и вечный стыд перед людьми тебе за такого сына.

Комментарий А. Жаксылыкова:

Актуально звучат и слова Абая из двадцать пятого высказывания.

Сейчас, в начале XXI века, конечно, другая социальная и гуманитарная ситуация. Почти весь казахский народ знает русский язык, им владеют даже старики в аулах. Сейчас нужно спасти именно казахский язык, ибо на нем не говорит более половины казахов. Это факт сегодняшнего дня. Этнос, теряющий свой язык, теряет и культуру, менталитет, и его нужно тогда называть по-другому, другим термином. Этого по отношению к казахскому народу допустить нельзя. Следовательно, то, что актуализировал Абай в свое время, требует иной акцентировки. То есть, на первое место среди насущных задач строительства современной культуры необходимо поставить восстановление статуса и функций казахского языка и литературы, религии, традиций, обычаев, обрядов и празднеств, мелоса и этоса². Это необходимо по той причине, что в двадцатом веке традиционная культура была отнята у казахов грубо, варварски, жестоко, с уничтожением более половины нации в годы гражданской войны и голодомора 1919–21 и 1931–32 гг. Спасая свой язык, казахский народ не должен оглядываться на кого-либо или на что-либо. Вместе с тем, это не означает, что казахи должны отказаться от знания русского языка. Русский язык — это язык науки и новых технологий, он по-прежнему организует поле современных интеллектуальных, технических и технологических компетенций. В этом смысле он по-прежнему полезен, и от таких возможностей отказываться было бы глупо. С точки

---

2 Мелос и этос — музыкальная и певческая культура. — *Сост.*

зрения такой же стратегии также следует относиться и к английскому языку. В любом случае нужно понимать, что в XX веке казахский народ не только терял, но и приобретал, например, он обрел сотни новых городов, тысячи заводов и фабрик, инфраструктуру, дороги, университеты, институты, учреждения, школы нового типа, специалистов, умеющих действовать в условиях современной цивилизации. Здесь огромную роль, конечно, сыграли русский язык и его носители, работавшие и жившие в Казахстане. В контексте таких потребностей нужно понимать и глубину мысли Абая о языке — не следует относиться к знанию языков с точки зрения только сиюминутной практической выгоды. Абай осуждает такую прихотливость. «Больно от того, что казахи, обучившие своих детей по-русски, норовят при помощи их знаний поживиться за счет своих же соплеменников» (с. 1. 67). Знание языков — это база более высокой культуры, когда человек свободно общается с представителем другой нации, не чуждается, не комплексует, а легко понимает мотивы и психологию других людей, учитывая это в своем поведении. «Знание чужого языка и культуры делает человека равноправным с этим народом, он чувствует себя вольно, и если заботы и борьба этого народа ему по сердцу, то он никогда не сможет остаться в стороне. Такова природа человека», — пишет Абай по этому поводу (с. 1. 66).

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

Казах рад до безумия, когда в трудной байге приходит первым его скакун, побеждает борец-земляк, удачно бьет птицу сокол, возвращенный им, красиво берет зверя его гончая. Уверен, что нет для него большей радости в жизни.

Но разве может быть такой уж большой радость, вызванная преимуществом одного животного перед другим или превосходством человека над соперником? И потом, не сам тот восторженный и не его сын победили в турнире борцов-силачей, и не сами они пришли первыми на своих скакунах. Вот и получается, что эта радость скоротечна и глохнет внутри своего народа. Это навеивает горькие мысли. Получается, что у казахов нет других соперников и врагов, чем сами казахи, и победой на ничтожных состязаниях они лишь досаждают друг другу. А разве можно возвести в ранг доблести зло, содеянное ближнему? Желать зла другому, значит, противоречить законам шариата, вредить и своему и чужому делу, идти наперекор рассудку.

Горько и от того, что кое-кто принимает поражение своего скакуна как свое собственное и стыдится этой неудачи.

Резвые скаковые лошади есть не только у казахов. И ловчая птица, и гончий пес могут быть достоянием любого: сегодня они у одного, завтра — у другого; и сильные жигиты рождаются в разных аулах. Да и не постоянны победы того или иного борца в турнирах, и не всегда в хорошей форме соколы и гончие. Чего же, казалось бы, тут стыдиться? А я встречал людей, готовых скорее провалиться сквозь землю, чем видеть на состязаниях поражение родного аула.

Отсюда я и заключаю, что невежественный народ радуется тому, чему не стоит радоваться. И радуется он при этом так, что буквально теряет голову и, словно пьяный, говорит и не понимает смысла своих слов. А стыдится он того, чего совершенно не следует стыдиться, и опускает глаза, когда, наоборот, нужно гордо вскинуть голову. Все это — плоды невежества и глупости.

И когда таким людям говоришь об этом их несчастье, они соглашались с твоими доводами. «Ты прав, — подхватывают они, — прав, чего тут толковать».

Я не верю им, потому что знаю: завтра они снова примутся за свое. Невозможно доказать этим людям всю лживость их нравов. Даже когда удастся их убедить в этом, они не в состоянии измениться. Они напоминают животных, не изменяющих своим привычкам.

Только сильный страх или смерть избавляют слабых от позора. Я, например, не встречал людей, которые вернулись бы к разумной жизни, легко отбросив дурные наклонности, которые искренне признали бы свою вину перед собой и по доброй воле последовали разуму.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО (ПО СОКРАТУ)

Однажды великий мыслитель Сократ завел с ученым Аристодимом, своим учеником, разговор о служении людей всеильному и всемогущему Богу. Аристодим не признавал Бога и смеялся над теми, кто преклоняется перед волей Господней.

— Эй, Аристодим, есть ли люди, вызывающие твое восхищение своими творениями? — спросил Сократ своего ученика.

— Сколько угодно, высокочтимый учитель, — ответил тот.

— Назови мне хоть одного из них.

— Я восхищаюсь величием поэзии Гомера, трагедиями Софокла, вернее, его искусством перевоплощаться и постигать душевное состояние других, живописью Зевксиса.

Он назвал еще нескольких одаренных мужей, чьи имена в то время были широко известны в народе. И снова спросил Сократ:

— Если так, то кто достоин большего восхищения: Всевышний, который сотворил человека, сделав его венцом всего живого и разумного, или же художник, создающий, хоть и с неповторимым мастерством, но всего лишь неживое подобие человека?

— Всевышний, — ответил Аристодим. — Но это верно только тогда, когда мы имеем дело не со случайными Его творениями, а с теми из них, которых Он создал разумно.

— Но люди знают немало полезных вещей, в жизни происходят объяснимые и необъяснимые явления, — возразил Сократ. — Что же все-таки удивительнее, Аристодим: те вещи, ситуации и явления, смысл и полезность которых не прикрыты завесой неизвестности, или наоборот?

— Я думаю, разумно только то, что создано для пользы человека, — ответил Аристодим.

— Хорошо. Ты согласишься, конечно, с тем, что вершина творения Создателя — это человек. Но разве Творец не наделил его пятью органами чувств, будучи совершенно уверенным в их необходимости человеку? Неужели ты находишь в человеке случайные, неразумные органы?

Например, нам даны глаза, чтобы видеть. Если бы их не было, как мы могли бы любоваться красотой мира? Глаза нежны, и для того, чтобы сохранить их, существуют веки: они открывают и, когда нужно, закрывают глаза. Ресницы оберегают глаза от ветра и соринки, а брови отводят пот, стекающий со лба.

Если бы не было ушей, человек не слышал бы ни шума, ни грохота, не настораживался бы от шороха или крика, не наслаждался бы песнями или звуками мелодий.

Если бы нос не чувствовал запахов, человек не тянулся бы к благовониям и не бежал бы от зловония. Ему было бы все равно.

Наконец, если бы у человека отсутствовали небо и язык, то он не мог бы изведать сладость или горечь пищи.

Разве все это не на пользу человеку?

Глаза и нос расположены недалеко от рта, чтобы человек видел чистоту и осязал запах принимаемой пищи. Однако другие необходимые организму отверстия, извергающие от-

бросы из тела, расположены подальше от головы, от благородных органов познания. Разве можно отнести такое положение к случайным проявлениям разума Творца?

Задумался Аристодим. И признал он, что создатель мира обладает высшим разумом. Не осталось у Аристодима сомнения и в том, что Всевышний сотворил человека с любовью.

— Подумай, Аристодим, — продолжал Сократ. — Все живое любит своих детенышей, не оставляет их на произвол судьбы, а защищает и растит. Все живое плодится — это основное условие жизни, ибо только таким образом можно противостоять исчезновению. Разве эти устремления живых существ не говорят о том, что Всевышний создавал их, любя? Любовь, как видишь, тоже дана Всевышним.

— Эй, Аристодим! Как можно считать, что ум — достояние только твое, человека? Разве человеческое тело не подобно песчинке той земли, по которой он ходит? Разве пот, который выделяется из человеческого тела, отличается от капель земной влаги? Так откуда у тебя взялся особый ум? Я знаю, как ты ответишь. «Сперва, — скажешь ты, — появилась душа, а потом пришел и разум». И вот ты обладаешь душой и разумом. Что из этого? Ты увидел мир, убедился, что все в нем создано целесообразно и все соответствует и подчиняется определенным законам. Но ты оказался не в силах охватить своим разумом безграничность этого мира. Ты поражаешься величию и недоступностью его истины только потому, что твой собственный разум невелик. Потому, кстати, ты и стараешься познать его. Так как же он возник? Что стоит у его истоков? Атом или некий высший разум, такой же беспредельный, как и его творение? Можно исключить высший разум. Но и тогда этот мир, недоступный ни измерению, ни расчету, возникал не стихийно, а как закономерное движение жизни, не сам по себе, а для возможности жизни в нем. И все взаимосвязи в мире, должно быть, подчинены немыслимому закону прекрасного.

— Все, что ты говорил, — истина, — заметил ученый. — Повторяю, я согласен с тем, что Создатель является носителем высшего разума. У меня и в мыслях нет сейчас ставить под сомнение его величие, но почему он, всемогущий, нуждается в моем служении ему, в моих молитвах?

— Ты опять ошибаешься, Аристодим. Он вовсе не нуждается в твоих молитвах. Но ты — должник, поскольку он проявляет о тебе заботу.

— Откуда я могу знать, что он заботится обо мне? А ты посмотри на всех земных тварей и взгляни на себя! — воскликнул Сократ. — Жизнь данавсем. Но всему ли живому даны тепло души, одухотворенность и озарение? Человек предполагает будущее, пытается осмыслить настоящие дни своей жизни, задумывается о пережитом. Животное смутно представляет свое прошлое и настоящее, а будущего оно и вовсе не понимает. Посмотри, как сложен человек, и что собой представляют все остальные земные твари? Человек опирается на две ноги и растет вверх: в пору ему видеть весь окоем, осмыслить его, повелевать животным миром, подчинять его себе. Животные же не способны сознательно использовать силу других тварей: одни из них надеются на свои быстрые ноги, другие — на крепкие крылья. Ничего бы путного не вышло, если бы человек не верил в себя или тело его было подобно телу какого-нибудь животного. И точно такая же вышла бы несурaziца, если бы животное обладало человеческим сознанием, ибо тело животного, его физическая организация не соответствуют духовному проявлению разума, не отвечают таким предназначениям, как осмысление искусства, овладение медициной, занятие наукой. Где, скажи мне, волю строить город, готовить инструменты, ковать боевое оружие? Каким образом он добьется этого? — спросил Сократ у Аристодима. И продолжал: — Даже если ему будет дан исключительный

ум, откуда у вола возьмутся необходимые мастерство и ловкость? Человек, только он обладает изумительной силой, разумом, изумительно сложенным телом, и это сочетание определяет его многогранность и высокоталантливость. Разве человек не является царем всего живого на Земле? А если он — высшее творение Создателя, то разве не означает это, что человек был удостоен любви? Как же человеку, будь он даже самым великим ученым на Земле, как же человеческому роду не быть благодарным Творцу и не считать себя вечным его должником? — заключил разговор Сократ.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЛОВО

Эй, мусульмане! Почему так устроена жизнь, что одни богаты, другие бедны, одни здоровы, другие больны, одни умны, другие глупы, одни предрасположены к добру, другие, наоборот, склонны к злодеянию?

Когда вас спрашивают об этом, вы смиренно отвечаете, что такова, мол, воля Аллаха. Но ведь мы с вами приняли иман и стали правоверными, веря в справедливость, непогрешимость и безупречность Аллаха! Как же так?

Какого-то бездельника и клятвопреступника Аллах наделяет скотом, а честного, усердного в молитвах труженика свергает в бездну нищеты, ни разу не предоставив ему радости увидеть плоды своего труда и возможности прокормить семью. Какому-то вору или мошеннику он дает крепкое здоровье, а безвинного тихоню изводит тяжелым недугом. Из двоих детей одних и тех же родителей одного Аллах создает умным, а другого — глупым. Он, казалось бы, предложил единственно верный путь, призвав все человечество быть честным и справедливым: честных он обещал взять в рай, нечестных отправить в ад. Но только Аллах повелевает чело-

веческой душой и, значит, Он сам направляет одних на свершение добрых дел, а других толкает на грех.

Разве все это говорит о непогрешимости, милосердии и справедливости Всевышнего?

И народ, и достояние народа — все в руках Аллаха. Что же Он делает? Он распоряжается всем, что Ему принадлежит, как Ему заблагорассудится. Поскольку все от Аллаха, то что остается на Земле простому смертному? Чего он сможет сам добиться? Значит, нечего людям обижаться друг на друга, ибо и тот, кто совершает зло, и тот, кто творит добро, будут одинаково ссылаться на волю Аллаха. И если это нельзя назвать пороком, то не означает ли оно, что у Всевышнего все же имеются недостатки, о которых мы не осмеливаемся говорить?

Творец считает необходимым, чтобы каждый разумный был благочестив и чтобы каждый благочестивый безропотно выполнял требования имана. Попробуем дать волю разуму: ведь ни одно правое дело не должно бояться испытания им. Но что тогда останется от того же требования Аллаха, чтобы каждый разумный был и благочестивым? Куда денутся его слова: «Познать меня удастся лишь разумом»? Когда в мире существует призрачность, некий обман, как заставишь себя не думать об этом?

Значит, религия возникла там, где когда-то остановился разум! И, значит, слепое повиновение ни к чему не приведет, пока мы не доведем иман хотя бы до подобия совершенства. Но сейчас до этого немыслимо далеко, и остается верить в то, что Ты, Аллах, создал плохое и хорошее, но не Ты заставляешь людей совершать добро или зло; Ты, Аллах, создал болезни, но не Ты заставляешь людей мучиться ими; Ты, Аллах, создал роскошь и нищету, но не Ты превращаешь людей в богачей и бедняков. Иначе невозможно Тебя понять.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО

У казахов немало толковых, дельных пословиц, но есть и такие, что не выдерживают ни Божьего одобрения, ни человеческого суждения.

Говорят: «Если беден, не думай о чести». Пусть будет проклята жизнь, лишенная чести! Если понять эту пословицу как призыв к самому мучительному, но честному труду, — то человек не теряет чести. Но далеко не все мужественны, и не каждый откликнется на зов. Достойные вступают на этот путь борьбы, недостойные выбирают безделье и попрошайничество.

Говорят еще: «Умением можно и снег разжечь», «Умелой просьбой все возьмешь». Эти пословицы заслуживают Божьей кары. Чем тратить жизнь на унижительные поиски слов, способных разжалобить скрягу, или ломать голову над тем, как «снег разжечь», лучше просить милости у земли или полагаться на плоды своего труда, добытые в поте лица.

Бытует пословица: «Если ты безвестен, то подожди поле». Но какой прок от славы, добытой злодеянием?

Есть и такая пословица: «Чем сто дней слоняться выхолощенным верблюдом, лучше один день безумствовать бурой!» Но что толку от однодневной безумной страсти, которая сгибает тело? Говорят: «Золото собьет с пути и ангела». Приношу этих людей в жертву ради святого имени ангела! Зная, что ангелу золото ни к чему, они хотят ссылкой на него оправдать свою неумную алчность.

Говорят: «Богатство слаще отца и матери, но собственная жизнь дороже дома, полного золота». Разве стоит чего-нибудь жизнь негодяя, для которого богатство дороже его родителей? Какая подлость — менять отца с матерью на богатство! Мучительным ли трудом или легко, но родители обзаводятся скотом и наживают добро с одной лишь

мыслью: оставить их детям. И, продавая родителей за богатство, предавая их, человек совершает преступление перед Аллахом.

Надо быть предельно осторожными в обращении с пословицами, рожденными от недомыслия.

ТРИДЦАТОЕ СЛОВО

Подобно тому, как на сорока клячах не одолеешь даже одного холма, так и на пустом бахвальстве далеко не уедешь. Да и к чему бахвальство людям, на что оно пригодно?

У хвастунов нет совести и чувства собственного достоинства, способности к большим делам и высоких помыслов. Не найдешь у них ни решимости борца-силача, ни мужества багтыра, ни человечности.

«Ах, оставьте! — отмахиваются они от советов. — Зачем вы говорите мне о других? Еще увидим, кто кого лучше и чья голова будет приторочена к седлу. Может быть, я кому-то обязан своим успехом? Может, кто-нибудь кладет в мой котел мясо или дает мне дойный скот?»

Или, в исступлении бия себя в грудь, раскачивается из стороны в сторону: «Что мне, жаль своей жизни? Да будь я проклят, если так! Ради этого дела я готов идти на расстрел или быть сосланным. Смерть ведь одна! Ее не миновать!»

Встречали ли вы казаха, способного отвечать за подобные свои слова? Я не видел казаха, который признался бы, что смирился перед неизбежностью смерти или способен достойно погибнуть; все только тычут пальцами в свой маленький кадык и грозятся: «Зарежусь — и баста!» Если бы один выполнил эту угрозу, люди удивились бы решимости глупца. Но что можно сказать о людях, которые не знают, где спрятаться, когда приходит беда? О тех, кто надеется убедить окружающих напускным надрывным криком, рассчитывая на наивных, и

желает добиться о себе таких слов: «Оставьте этого нечестивца в покое. Как бы он и вправду не наделал дел»?

О Аллах! Разве по человеку не видны его душевная щедрость, если таковою он обладает, верность клятве, торопность, бескорыстность и другие добрые качества?

А тут мы имеем дело с бесчестным и бессовестным пустомелей, о котором говорят: «Бесстыжему лицу даны неугомонные скулы».

Бура — верблюд-производитель.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО

Для того чтобы запомнить советы и следовать им, нужно соблюдать четыре условия. Первое — надо быть сильным, чтобы не давать воли самолюбию; второе — надо принимать умные слова сердцем, всей душой, так, словно бы утоляешь ими жажду; третье — следует по нескольку раз повторять про себя услышанное, чтобы закрепить его в памяти; четвертое — нужно держаться подальше от вещей, которые изнашивают человеческий ум и заставляют его терять накопленные знания.

Таких вещей, которые изнашивают ум и заставляют его терять накопленные знания, кстати, тоже четыре. Это беспечность, неуступчивость, легкомыслие и уныние или пагубные пристрастия.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Известно, что наукой овладевает тот, кто испытывает жажду познания.

Но одного стремления тут мало. Даже сам процесс приобретения знаний должен быть подчинен определенной системе. В противном случае поиски могут оказаться напрасными.

Сначала ты должен точно уяснить, для чего тебе необходима наука. Не для обогащения или приобретения дорогих вещей, не ради дела, которое принесет тебе выгоду или положение в обществе, стремись к науке. Если ты страстно увлечен ею, то богатством для тебя явится каждое твое открытие, устранение самого незначительного пробела в твоих знаниях. Что может быть ценнее такого приобретения? И не бывает ли на свете наслаждения выше того, которое ты испытал при этом? У тебя родилась любовь к науке, а она, как и всякая любовь, ненасытна, — значит, ты идешь на новый труд и поиски. Эта любовь — иными словами, жажда познания, — помогает тебе запомнить увиденное и услышанное, усвоить их и закрепить в своей памяти в ясных, образных художественных формах.

Если твоя душа лежит к другим вещам, и ты изучаешь науку ради достижения этих самых других интересов, то твое отношение к науке подобно отношению мачехи к пасынку. Науку надо любить, как мать любит родного сына. Тогда и наука ответит тебе взаимностью, будет доступнее.

Просвещение не должно быть самоцелью. Это приводит людей к соперничеству друг с другом, рождает ненужное, глупое бахвальство. Любая из этих вещей приносит вред науке и обществу. Даже если споры содержательны и оттачивают ум, но излишняя приверженность к ним губит человека, ибо он привыкает спорить не ради выяснения истины, а для того, чтобы победить соперника. Наука уже остается в стороне, главным же для такого «ученого мужа» становится стремление запутать другого и сделать его жертвой ложных истин. Как это похоже на дела степных смутьянов, о которых уже говорилось раньше! Человека, сбившего в споре с верного пути сотню людей, грешно даже сравнивать с тем, кто вывел на путь истины одного.

Спор в науке необходим, но в быту он рождает завистников и спесивцев, способных на ложь, наговоры и рукоприкладство.

Достигнув истины, не отступай от нее даже под угрозой смерти. Та истина настоящая, которая захватила тебя всего, покорила, заставила действительно стоять за нее насмерть. В противном случае ты не убедишь в ней других. Какой прок от твоей истины, если сам не предан ей? Люди не примут ее.

Не будь завистлив, легкомыслен и мстителен, иначе твоя учеба не принесет пользы.

В Девятнадцатом слове назидания сказано о равнодушии и беспечности и о том, как эти пороки мешают людям стать разумными. Запомни: там, где они властвуют, нет ни Бога, ни народа, ни хозяйство, ни чести, — всего того, ради чего существует наука.

И последнее, что я хотел сказать. Для того чтобы сохранить свои познания и разум, нужно иметь характер. Сильный, крепкий характер. Тут уместно сравнить его с сосудом, хранящим бесценную влагу. Действительно, зачем овладевать знаниями, если их негде хранить?

Значит, нужно быть стойким, нужно всегда сохранять твердость духа. Крепкий характер также немислим без воли, помогающей человеку добиваться того, к чему он стремится, и не позволяющей ему даже минутной слабости.

Итак, твердость духа и воля — основы настоящего характера. Пусть же они служат разуму и чести человеческой!

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Чтобы жить в достатке, надо учиться ремеслу. Скот гибнет от джута, ремесло не зависит от стихийных бедствий. Ремесленника, который трудится в поте лица и продает то, что сделал своими руками, можно считать лучшим из казахов. Но и среди них, немногочисленных казахов-ремесленников, подобно неизлечимой болезни, бытуют пороки.

Во-первых, эти люди не стремятся овладеть новым ремеслом. Они не ищут мастеров лучше себя, не сближаются, не работают с ними рука об руку, чтобы перенять их искусство, а довольствуются тем, что умеют сами. Как будто весь мир держится только на таких мастерах. И по стародавней привычке казахов предаются пустому созеоцианию, пролеживают себе бока, преступно убивая на это драгоценное время.

Во-вторых, они не умеют работать, не покладая рук. Заработав несколько голов скота, начинают мнить себя богачами и хвастливо думают: «Разве у меня не вдоволь скота?» А ведь достаточно появиться такой мысли, чтобы человек предался праздной лени, беспечности и франтовству.

В-третьих, эти люди не остерегаются льстецов. А те не преминут обратиться к ремесленнику с лукавой просьбой: «Ты ведь волен в своих поступках, свет мой, и ты — мастер, искуснее которого нет во всей округе!» Или же: «Ага, что вам стоит выполнить мою просьбу? Там раз плюнуть, а мне радость!» Не каждый устоит, услышав такие елейные слова. Если ремесленник поддался соблазну и возомнил о себе как о незаменимом мастере, то отныне он не властен над собой. Он будет тратить все свое время на выполнение бытовых, не требующих особого умения, заказов льстецов.

В-четвертых, казах-ремесленник любит заводить приятелей, оказывается в компании нечестных людей. Обманщики набиваются ему в друзья, дарят какую-нибудь мелочь, обещают золотые горы или свое покровительство, а ремесленник рад до смерти, что нашел бескорыстного друга, и тоже старается услужить ему. Из кожи лезет вон, только бы сделать другу приятное, и не замечает, что его водят за нос. Так проходят дни, забываются и семья, и хлеб насущный, растут долги, и наступает время, когда он вынужден занимать у одних, чтобы расплатиться с другими. Теперь

бедняга уже обязан трудиться, чтобы как-то сводить концы с концами, но втягивается в исполнение нескончаемых заказов «друзей» окончательно. Он их выполняет даром, и это доводят его до беды, до нищеты и до полной зависимости от толстосумов.

Почему так происходит? Кто знает. . .

Странно, что казахи, способные провести кого угодно, так легко обманываются сами.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Все люди знают, что они смертны, что смерть наступает не всегда в старости, и что после никто не воскресает. Казахи тоже верят этому. Веруют они и в то, что есть Всевышний, сотворивший мир, и Он устроит суд, когда наступит конец света, покарает за грехи и воздаст за добрые дела, что и наказания, и воздаяния его не будут похожи на земные. По их представлениям, Аллах может наказать человека немислимо жестоко и вознести невообразимо высоко.

Так почему же, зная эти два очевидных для них исхода человеческой жизни, казахам не творить только добро? А чего беспокойно, неуютно им на Земле?

Причина кроется в их неискренней вере, которая, должно быть, возникла и существует у них только потому, что они, как и все народы, признают загробную жизнь.

Но если вера казахов вызывает сомнение, то как их самих называть правоверными? И кто их сможет после этого наставить на путь истины?

Тот, кто хочет избежать мучений на том и на этом свете, должен знать: в одной душе не бывает двух радостей, двух опасений, двух страхов и двух печалей. Это невозможное явление, ибо для настоящего мусульманина земные заботы и

радости не могут быть значимей и ярче небесных, тех, которые ожидают его после смерти.

Но казах, когда поставлен перед выбором между двумя вещами, одна из которых позарез нужна для земной жизни, другая — обязательна для загробной, возьмет, без сомнения, необходимую для своего земного существования. Он выбирает, зная, что все в этой жизни быстротечно, и никогда нельзя упускать случая. Уповает на милосердие Аллаха, на всепрощение Его. Полагается на удачу, на следующий случай — тогда-то он уж непременно возьмет то, что потребуется на том свете.

Как же после этого докажет, что он не променял Аллаха на земную жизнь? А именно таким мусульманином представляю я каждого из нас.

Человек — дитя человечества. Потому твое рождение и возмужание, твое устремление к достатку или ощущение голода, твои печали, уклад жизни, телосложение, наконец, твоя смерть, — не отличаются от природы и судьбы любого другого человека. Ты, как и все люди, сходишь в могилу и гниешь; знаешь, что тебя тоже ждет Страшный суд; твой страх перед бедами и наслаждение дарами обоих миров одинаков с ощущениями тебе подобных. И разве жизнь кажется тебе длиннее пяти дней? А раз это так, и люди — гости друг друга, если ты сам — гость земной, то почему ты стремишься выявить, что знает другой и чего он не знает?

Зачем тебе завидовать чужому достатку и счастью и мешать другому жить?

Почему не просишь Аллаха, чтобы Он благословил тебя на честный труд, а умоляешь Его отнять и передать тебе чужое богатство?

Почему Создатель должен ради тебя унижать другого человека?

К чему рваться доказывать свою правоту, если не уверен, что она не обернется кривдой?

Почему ты должен выпячивать свою грудь, не умея, скажем, связать и двух слов?

Чем тебе поможет Аллах?

Оставим в стороне веру, не будем говорить о том, какой ты мусульманин. Человек ли ты вообще?

ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Говорят, когда наступит конец света, на Страшном суде перед Всевышним предстанут все хаджи — паломники, побывавшие в Мекке, муллы, суфии, шейты — воины-праведники и щедрые. В священном писании сказано, что щедрые, как и священнослужители, тоже попадут в рай.

Но в день Страшного суда людей, которые стали хаджи, муллами, суфиями и шейтами или были щедрыми только ради того, чтобы пользоваться в народе почетом и уважением, говорят, построят отдельно от тех, кто получил эти звания бескорыстным служением Аллаху, посвятив всю свою жизнь лишь одному — благочестию.

И скажет Создатель первым: «Вы стали на Земле хаджи, муллами, суфиями, шейтами и щедрыми, чтобы остальной люд преклонялся перед вами, называя вас “уважаемый хаджи”, “почтенный мулла”, “высокочтимый суфий”, “незабвенный шейт”, “несравненный щедрый”. Это требовало от вас немалого искусства. Но всего этого вы лишились. Мир, который вы создали общими усилиями, рухнул, а вместе с ним кончилась и сила вашей власти. Здесь иной мир, и не ждите привычного почета, а держите ответ! Я дал вам жизнь. На что вы потратили ее? Я дал вам богатство. На что вы употребили его? Вы без устали говорили о Божьем суде, но всегда лицемерили,

вы проповедовали веру в Бога, но всегда без усердия. Вы обманывали людей. Вот на что истрачены жизнь и богатство!»

И обратится Создатель к тем, которые посвятили ему свою жизнь: «Вы пожертвовали всем ради того, чтобы стать моими истинными слугами и снискать мою признательность. Я вами доволен. Входите в обитель, она открыта для вас! Достойны милосердия и ваши друзья, которые, хоть и не смогли стать моими слугами, но относились к вам с сочувствием и участием. Укажите их мне, если таковые присутствуют на этом суде».

Вот, говорят, что ждет людей в страшный судный день.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

В хадисе — священной книге — записаны следующие слова пророка Мухаммеда: «У кого нет стыда, у того нет и веры».

Казахская пословица гласит: «Тот, кто умеет стыдиться, тот умеет быть верным».

Из этих слов ясно, что стыд — одно из священных чувств. Так что же представляет собою стыд?

Есть стыд, обусловленный невежеством людей. Он похож на смущение мальчика, который не осмеливается вымолвить слова перед взрослым, или на робость иного взрослого, не решающегося на встречу с именитым человеком просто так, без конкретного к нему дела. Нет у подобных людей вины ни перед Богом, ни перед своею совестью, но не могут они освободить свою волю от невежества, сами усложняют все, стыдятся того, чего совсем не следует стыдиться.

Настоящий стыд — тот, который вызван поступками, противоречащими вере или разуму или порочащими чье-либо доброе имя. И он бывает двух видов.

Первый — это стыд не за свою провинность, не за себя, а за дела другого. Он вызывается как бы жалостью к этому

человеку. Чувство удивления и досады за его проступок, тревога за его судьбу заставляют тебя мучиться. «Почему он так поступил? — переживаешь за него. — Почему? И что с ним будет?» Сострадание движет твоими мыслями.

Второй — это стыд, испытываемый за свой проступок, который ты совершил по недоразумению или чрезмерно увлекшись чем-нибудь. И пусть рядом в то время никого не было, но ты понял, что твой поступок унижил твое достоинство или опорочил чью-нибудь добрую репутацию, — и тебя мучает совесть. Ты осуждаешь сам себя, казнишься, теряешь покой, не смеешь взглянуть людям в глаза.

Люди мнительные в таких случаях теряют сон, перестают есть. Стыд как бы выворачивает человека наизнанку, определяет меру его человечности или подлости. Где тут оглянуться, найти для успокоения верные слова? Бывает, что некогда утереть слезы и высморкаться. Человек уподобляется затравленному псу. Ничего не видит и не слышит. Иногда доходит даже до того, что человек лишает себя жизни. Разве что недоброхот или сильно обиженный им человек не простит такого бедолагу, а тот, кто не пожалел его, добавил мучений, решив еще более пристыдить, наверное, и сам лишен совести. Но люди, которых я вижу сегодня, не то что стыдиться, даже краснеть не умеют, когда совершают бесчестные дела. Когда их усовестивают, они даже обижаются. «Я же сказал, что сконфузился, чего еще надо?» — недоумевают некоторые из них. Или огрызаются: «Ладно, ладно, хорошо, мне стыдно. Ну а сам ты не так бы обмишурился на моем месте?» Есть и такие, которых ничто не выведет из себя. Довольные собой таковы, что хоть стой, хоть падай. «Да ведь никто еще не помер от таких оплошностей! — восклицают они. — Такие-то вон что сделали, и то ничего — живут. Разве можно сравнить совершенное мной с их преступлениями? Да и причина у меня была...»

Что можно сказать об этих людях? Есть стыд в их словах или нет? Если подобное называется стыдом, то как быть со священными писаниями и словами мудрых? В них правда или в словах этих людей? И верят ли они в Аллаха после этого?

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО

1. Достоинство человека определяется тем, каким путем он идет к цели, а не тем, достигнет ли он ее.

2. Самые прекрасные мысли тускнеют, пройдя через человеческие уста.

3. Не всегда будешь рад, говоря мудрые слова себялюбивому невежде.

4. Помогай разумному; содействовать неблагоприятному — значит опуститься самому.

5. Сын, почитающий лишь своего отца, не друг народу. Сын народа — и твой друг.

6. Сильный хоть и желает многого, но довольствуется малым; ничтожный просит мало, но не доволен, даже когда получает больше.

7. Работающий только для себя похож на животное, которое заботится о своем брюхе; Вседержец любит того, кто трудится на благо человечества.

8. Кто отравил Сократа, сжег Жанну д'Арк, распял Христа, закопал Мухаммеда в верблюжьих останках? Толпа. Значит, у толпы нет ума. Сумей направить ее на путь истины.

9. Человек — дитя своего времени. Если он плох, в этом виновны его современники.

10. Будь моя власть, я бы отрезал язык тому, кто утверждает, что человек неисправим.

11. Одиночество — погибель для человека. Все беды валятся на его голову. Однако мир заполняют не только беды,

но и развлечения. Кто выдерживает первое? И кто не погибает во втором?

12. Кто не бывал в беде? Удел слабых — терять надежду. Разве за суровой и снежной зимой не идет лето со сверкающими озерами и густым травостоем?

13. Безвреден, кто в гневе кричит. Бойся того, кто в гневе молчит.

14. От радости и счастья люди теряют голову. Из тысячи лишь одному счастливцу удастся сохранить разум, чтобы не предстать перед народом нагишом.

15. Дело ладится у мением.

16. Слава — высокая скала. Терпеливая змея взбирается на нее ползком, сокол взмывает на ее вершину в стремительном полете. Недружный народ хвалит того, кто не дошел до нее, и недалекий верит этому обману.

17. Мир — безбрежный океан, время — неутихающий ветер, поколения подобны волнам, спешащим друг за другом, и на их смене держится вечная жизнь.

18. Нищий, прославившийся умом, выше счастливого царя. Юноша, продающий плоды своего труда, достойней старика, торгующего своей бородой.

19. Хитрость превращает человека в попрошайку. Лицемерие делает суфия тунеядцем.

20. Плохой друг подобен тени. Когда светит солнце — от него не избавишься; когда тучи сгущаются над головой — его не найдешь.

21. Доверяйся тому, кто замкнут, но дружи с тем, кто общителен. Остерегайся беспечного, но будь опорой опечаленному.

22. Гнев без силы — вдовец; ученый без последователь — вдовец; любовь без верности — вдова.

23. Пока ты не счастлив, добро тебе желают все. Но вознеси тебя судьба, и твой доброжелатель — лишь ты сам.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЛОВО

О дети, утешение моего сердца! Все, что я написал о человеческом характере и жизни, оставляю вам на память. Прочтите эти строки без равнодушия, и вы проникнетесь ко мне любовью.

Стремление к истине и постижение ее рождаются высоким сознанием; сознание же человека определяется его человечностью, умом и интересом к науке. Появлению этих качеств сначала способствуют непорочность чувств и крепость тела, которые даются человеку от рождения, а развитие их зависит от честных друзей, от мудрых наставников.

Но дети не сами идут в школу, не своей охотой овладевают знаниями: на первых порах их приходится либо принуждать, либо привлекать к этому хитростью. И если, постепенно привыкнув к учебе, дети тянутся к ней уже по доброй воле, если у них появилась жажда познания, — лишь в этом случае можно сказать, что они стали людьми. Теперь стоит уже надеяться, что они овладеют знаниями и используют их для блага людей; научатся отличать добро от зла, сомнительное от достоверного, подлинное от поддельного; познают Аллаха, самих себя и мир.

Однако в большинстве случаев дети остаются недоучками, а то и вовсе невеждами. И причиной всему — насилие со стороны родителей и мулл, которые убивают в детях искренность. Эта потеря оборачивается тяжелейшим несчастьем. Не бывает толку от учебы этих детей, ибо у них уже все неискренне: и стремление к наукам, и отношение к наставникам, и даже вера в святое учение — иман. Воспитать их полноценными людьми почти невозможно, потому что Аллах — это «путь истины», а истина и правда несовместимы с насилием. Разве придет к тебе друг, которому ты передал приглашение

через его врага? Когда в душе человека нет любви к Аллаху, то нет и веры в Него. Тем не менее, человечество живет, уповая на будущее, оно надеется на лучших сынов, а не на злодеев, на ученых, а не на невежд.

Каковы же пути познания истины и правды?

Человек овладевает науками и знаниями тогда, когда всем своим существом стремится к истине и правде, пытается понять самую суть явлений. Разум и вера двигают им, ибо истина — от земли, и он идет к ней разумом, а правда — от Аллаха, и он принимает ее на веру.

Издревле существует понятие «наука». Наука представляется людям не как что-то сверхъестественное и отвлеченное, а существующее для блага человечества. Не ради Аллаха, а для себя. Поэтому наука³ оборачивается для каждого человека неповторимостью каждой отдельной науки и увлекает его. Где-то здесь рождается чистота отношения человека к науке, которая в то же время выражает отношение его и к Аллаху, ибо наука — это одно из проявлений могущества Всевышнего, одно из Его свойств.

Человек, идущий в науку ради богатства, славы и почета, никогда не поймет ее сущности. Больше того, когда человек преследует корыстные цели, он теряет человеческий облик. И наоборот, человек становится сильнее, когда и богатство, и слава, и признание приходят к нему сами как результат его упорного труда.

Повторяю, мои слова обращены к тем, кто дорожит честью, кто любит истину и хочет знать правду.

Приверженцы ислама должны признать непреложную истину своей веры. Это высшая ступень веры, и она не достига-

---

3 Абай имеет виду совокупность наук на стадии их синкретизма — представление, характерное для общественной мысли Востока до конца XIX века. — *Перев.*

ется простым воздаянием молитвы Аллаху. Ты, как и все мусульмане, можешь верить, что Аллах един, и нет Ему равного, что Коран состоит из Его священных назиданий, а пророк Мухаммед — Его посланник на Земле, но все это ничего не даст тебе, ибо истоки чистой истины лежат в другом. Чтобы понять, в чем именно, следует уяснить: ради чего существует твоя вера? Ты веришь ради Аллаха или для собственного успокоения? Аллах не пострадает, не станет менее величественным, если ты, скажем, перестанешь молиться, но и тебе не будет успокоения, если ты почитаешь Вседержца просто потому, что Он велик. В своей вере ты должен видеть для себя спасение, только тогда она принесет тебе пользу.

Итак, ты веришь в Аллаха и преклоняешься перед Ним. Но Он многолик, и ты, следовательно, преклоняешься перед всеми Его именами и каждым проявлением Его своеобразия. Имена Аллаха суть названия Его чудотворных дел, надо знать об этом. Потом нужно постичь, что означают восемь его божественных качеств. И если ты назвался правоверным и считаешь себя рабом Всевышнего, если ты уверен в своей преданности Ему, то своими намерениями, замыслами и делами старайся быть похожим на Него. Не падай духом, считая по невежеству своему, что это невозможно, ибо точное воспроизведение его дел действительно немислимо. Разве можно человеку быть Всеведущим, Всемогущим, Жизнью, Зоркостью, Чуткостью, Волей, Речью и Созидателем! А все это — проявления Аллаха, Его имена. Видимо, достаточно хотя бы подражать Ему.

Создатель наделил человека восемью качествами, подобными Своим, хотя и менее сильными. И если бы мы использовали этот великий дар не в угоду Аллаху, мы не могли бы называться мусульманами. Но где пути истинного подражания Аллаху и Его великим делам?

Природа Аллаха такова, что она не нуждается в моем описании, пишу же я потому, что в уяснении указанных восьми качеств, или сил, нуждается наш разум. Мы познаем Аллаха по мере Его проявления, познать Его самим невозможно. Даже тайна созидания недоступна мудрейшим из людей, не говоря уже о природе Аллаха. Аллах бесконечен, человеческий разум предельен. Разве возможно предельным измерить бесконечное?

Мы говорим: Аллах един, и Он во всем. Нам кажется, что в этих словах кроется большая тайна, мы слышим в них какую-то неземную значимость, хотя совершенно ясно, что, например, слово «един» никак не выражает великую сущность Всевышнего. Наверное, когда-то это слово оказалось пределом возможностей нашего разума, его потолком. Кстати, ученые и сейчас форму существования любого тела в совокупно возможных его видах фиксируют словом «един».

Бытие существует во Вселенной, Вселенная существует в Аллахе, а Аллах, как написал Мухаммед в священной книге — хадисе, проявляется в восьми своих основных качествах и девятиности девяти эпитетах. В хадисе пророк Мухаммед не разъясняет своеобразия отдельных назиданий Аллаха, и сейчас они читаются людьми по-разному. Я хочу пояснить в своем Слове некоторые свойства Всевышнего и связь их с жизнью людей или, вернее будет сказать, границы между Аллахом и людьми.

Поскольку сама жизнь — это аксиома, то, значит, существует и сила, которая ведет человека к определенной, им самим избираемой цели. Человек спешит что-то совершить в своей жизни, старается чего-то достигнуть, одержать победу в каждом своем стремлении. Да разве найдется человек, который желал бы себе поражения или смерти? Нет. Следовательно, человека по жизни ведет воля. Та воля, которая является маленьким подобием Воли — одного из проявлений Аллаха. Та

воля, которая является качеством лишь сознательного человека, поскольку мы говорим о людях, почитающих Аллаха. И если Воля, точно так же, как Наука, есть одно из проявлений Аллаха, иными словами, если и Воля и Наука являются свойствами одного и того же великого Создателя, и если все восемь божественных качеств дарованы людям, то нельзя ли говорить о человеке, в котором одновременно могут проявляться два любых его качества, абсолютно преобладая над остальными? Нельзя ли утверждать, исходя из принятого нами условия, что в любом человеке могут соединиться воля и наука? И если да, то не будет ли это означать могущество человека, вернее, могущество его знаний? Нам известно, что есть ученые и есть мыслители. Не каждый ученый может подняться до уровня мыслителя, но каждый мыслитель — ученый. Значит, можно говорить о мыслителе, обладающем глубокими познаниями в области многих наук. И, значит, можно утверждать, что Аллах всезнающ, если Его мудрость, как мы отмечали, недоступна даже мудрейшим из людей. И я позволю себе заметить, что смертные в состоянии овладеть могуществом знаний, но силой всезнания обладает только Аллах. Вот в чем Его величие, и оно, пусть недостаточно полно, но все-таки верно выражено нашими предками: Аллах един, и Он во всем. Эти слова ясны и ученому, и невежде.

Наука идет к людям через слово, слово становится понятным через звуки или знаки. На этом основаны следующие три свойства Аллаха: Речь, Зоркость и Чуткость. Можно ли поверить, что Всевышнему так уж необходимо проявлять себя Речью, Зоркостью и Чуткостью? Думаю, что нет. И если человеку даны язык, чтобы он имел возможность общаться с окружающими, глаза, чтобы он видел мир, уши, чтобы слышал звуки, то это тоже не означает тождества их с Речью, Зоркостью и Чуткостью. Я не говорю о масштабах. Я просто

констатирую: Аллах — это внимающий, который слушает, и взирающий, который видит, но ни одно из созданий Его, в том числе и человек, не может этого постичь. Он говорит словами, но у Него нет органа, подобного органам речи человека. Он не сотворил слово — произнес его, и слово дошло до слуха людей. Аллах видит и слышит совершенно по-другому, совсем не так, как человек. Он просто «Всеведущ знаниями своими». Он — сама добродетель и добивается, чтобы люди подражали Ему. Как не вспомнить тут о предельности человеческого разума и бесконечности Аллаха? Нетрудно догадаться, что упомянутые три божественных качества даны смертным для накопления разума, ибо разумом держится самое главное на Земле — созидание.

В чем же заключается второе главное свойство Аллаха — Всемогущество?

В Коране написано: «Аллах вечен... Он единственный в своем роде, и нет при Нем ничего, Он существует вне пространства, и Он создал все посредством своей силы...»

Священный хадис определяет созидание как одно из восьми основных проявлений Аллаха. Согласиться с этим утверждением значило бы, что мы считаем созидание таким же древним, как и Сам Аллах, и вечным, ибо Аллах никогда не избудет. Но если Всевышний не в силах освободиться от него, то оно будет означать уже Его безволие, а природа Аллаха несовместима с подобным явлением.

О Созидателе нужно судить по сотворенному Им миру. Он сотворил мир удивительно упорядоченным, где любое живое или неживое тело связано с другими, где одно движение вызывает ответное. Мы видим этот мир и любимся им, принимая его всей душой, и в его существовании и устроенности признаем мудрость всезнающего и силу всемогущего Аллаха. Эти два свойства Аллаха — Всемогущество и Всезна-

ние, следовательно, тоже должны быть равноценны. Не может быть такого, чтобы одно из них оказалось ведущим, а другое — ведомым, иначе все восемь свойств Аллаха, соединяясь между собой в любом количестве и сочетании, приведут мир к хаосу. Созидание, безусловно, является одной из сил, составляющих могущество Аллаха. По всей вероятности, величие Аллаха потому и безгранично, что знания Его безошибочны, а сила — неуязвима. А это вытекает из нашего предположения, что созидание руководимо могуществом и подчинено ему. Этим исчерпывается мое доказательство того, что Аллах «всеведущ знаниями своими» и «всемогущ своей силой», а остальные Его шесть свойств являются как бы вспомогательными для двух названных проявлений.

Но не это главное, что заставило меня писать об Аллахе. Я начал это слово выражением: «О дети, утешение моего сердца!..» И хочу писать о мире людей.

Когда видишь человека в этом сотворенном Богом мире, где он полагается на ум и волю, на силу своего тела, когда видишь его борьбу за жизнь, его неуспокоенность, то почему-то думаешь о Всевышнем как о существе, подобном человеку. О Всевышнем, который, наделив людей восемью божественными качествами, спокойно взирает на то, как в этом его царстве люди по-разному ищут истину и воспринимают земные блага, но с одинаковым рвением творят молитвы и ищут пути спасения.

Почему выделяются люди, которым как будто известно все, что уготовано им на том и на этом свете? Почему их становится вес больше, и мы видим уже целые толпы?

Наверное, грешно так говорить, зная, что человек обладает лишь волей, а Создатель недоступен его разуму. Зная, что человек посредством своей воли овладевает частицей науки, и она подобна капле из океана знаний, являющегося божьим

достоянием. Зная, что Аллах не только всемогущ и всеведущ, но и милосерден. И хотя милосердие Создателя не упоминается среди его восьми основных свойств, но оно достаточно ясно выражено такими эпитетами, применяемыми к нему, как Всемиловитый, Отзывчивый, Всепрощающий, Любящий, Защищающий, Покровительствующий, Благодетельствующий, Дарующий, Указующий, Непогрешимый. Можно бы сказать, что самый смысл эпитетов говорит в пользу моего довода. Но это было бы традиционным доказательством, а милосердие Аллаха, как мне кажется, требует логического обоснования.

Мир удивителен. Неживое тело не чувствует боли, а животные поддерживают жизнь уже разумных существ — людей. Животные не будут держать ответа на Страшном суде, а человек должен отвечать за свои поступки.

Творец поставил человека на две ноги, чтобы он был высок, установил голову на плечах, чтобы он мог видеть далеко, дал две руки для труда. Человек не наклоняется, как животное, к пище, а подносит ее ко рту рукой. Ему даны нос, чтобы чувствовать запах еды, и глаза, чтобы видеть ее чистоту. Глаза от соринки оберегаются веками, веки продолжены ресницами, но и они бессильны против пота, стекающего со лба, и потому человек имеет брови. Лицо человека красиво. Аллах призвал людей к общему труду и поэтому одному дал ум, другому — красноречие, третьему — волю.

Разве не чувствуется во всем этом любовь Создателя к человеку? И разве не долг человека отвечать на эту любовь взаимностью?

Приглядитесь и вдумайтесь.

Солнце нагревает землю, заставляет испаряться реки, моря и океаны; испарения образуют тучи и возвращаются на землю благодатным дождем. Земля покрывается зеленью и расцветает цветами, ласкающими глаз. Наливается соком са-

харный тростник, созревают плоды, разрастаются деревья, укрывая птиц и зверей. Рождаются ключи и бьют родники, образуются новые реки, или разливаются старые, и вода течет в озера, моря и океаны. Вода утоляет жажду всего живого, в глубинах ее размножаются рыбы. Солнце греет землю...

И весь этот мир предназначен для людей. Земля одаривает их хлебом, фруктами, хлопком, кендырем и другими богатствами; птицы дают им пух, мясо и яйца; животные — мясо, шерсть, шкуру и силу; водоемы — рыбу, а рыба — икру. Даже пчелы трудятся для людей, собирая мед и воск, а черви прядут шелк. Цветы умиротворяют людей своим ароматом.

Ничто из этих богатств не служит самому Аллаху, ибо Он властелин мира и ни в чем не нуждается.

Миллионы хитроумных машин и тысячи фабрик тоже созданы для блага человечества.

Разве не видна во всем этом любовь Аллаха к людям? И разве не долг человека отвечать на такую любовь взаимностью?

Всевышний не допустил того, чтобы люди из-за ненасытности своей уничтожили всех животных и тем самым принесли вред будущим поколениям. Он сделал так, что люди оберегают животных своей жадностью, а зверям и птицам для спасения дал силу, быстрые ноги и стремительные крылья. И теперь одни животные существа селятся на неприступных скалах, другие обитают в темной глубине вод, третьи хоронятся в густой чащобе леса. И все они стремятся к размножению и наделены неистребимым инстинктом защиты своих детенышей. Нет, Всевышний не сделал людей полновластными хозяевами Земли, он лишь позаботился о том, чтобы не переводилась их пища и не могла прекратиться жизнь. Великая справедливость стоит за всеми этими удивительными свершениями Всевышнего.

Итак, всемогущий Аллах всеведущ, справедлив и милосерден.

И мы, правоверные, во всем следуя Аллаху, должны бы тоже обладать тремя аналогичными силами: знаниями, честностью и состраданием. То есть, мы обязаны были поставить себе целью овладеть науками, постоянно думать о своем человеческом достоинстве и, творя добро людям, стремиться стать истинными мусульманами.

Но всегда ли наши поступки справедливы и ясны? Нет. Мы предали забвению эти божественные качества нашей веры. Каждый почему-то хочет, чтобы другие были справедливы к нему и делали ему добро, но сам он не делает этого. Это ли не глумление над верой?

Люди сбились с пути, указанного Всевышним. Священные слова пророка: «Подумай о величии Аллаха» и «Воистину Аллах любит справедливых людей» — никем не принимаются с должной искренностью и надлежащим старанием.

Благочестия полны аяты — стихи Корана, но люди забывают о нем. Вот что говорит Коран: «Совершайте добрые дела и призывайте к этому других, ибо Аллах любит людей, склонных к благодеянию». И дальше: «Есть люди, которые верят в Аллаха и совершают добрые дела. Им навечно уготовано место в раю».

Разве не верны требования Корана? Поскольку Аллах с любовью сотворил тебя и окружающий мир, то и твоя любовь к Аллаху должна быть деятельной. Ты обязан быть честным.

Следующий аят гласит: «Но есть такие люди, которые, веря в Аллаха, совершают добрые дела лишь потому, что знают: Аллах не прощает злодеев».

Понятно, что поступки подобных мусульман противоречат сущности благодеяния, хотя и будут называться добрыми. У этих людей отсутствует совесть. Великий пророк Мухаммед, да воздаст ему Аллах мудрости сполна, писал:

«У кого нет совести, у того нет и веры». И здесь мы еще раз убеждаемся, что настоящая вера достигается не простым воздаянием молитвы. Изнурять тело молитвами и постами, может быть, и необходимо, но истоками истинной веры, безусловно, являются сознательность, честность и сострадание.

Маленький пример. Если человек, не отделяющий себя от народа, желает дружбы своего народа с другими, то уже это одно говорит о нем как о сознательном и честном человеке. Разве его мысль — не начало благоденствия? И разве этот человек не чист перед своею совестью тем, что желает людям добра? А чистое намерение — основа веры, и ею надо дорожить. Как говорил суфий Аллаяр, бывает одна особенная истина, которую ставишь выше ста других. Так и вера должна быть для людей превыше всего.

Мы пришли к выводу, что истинно верующий должен обладать тремя качествами: знаниями, честностью и состраданием. Вера зовет его к слиянию с Аллахом, и он стремится к всеведению, справедливости и милосердию. К чему же в конце концов ведут эти три силы? В чем совершенство человеческого развития? В каких формах предстанет совершенство? Это субстанция неизмеримого и высшего, это — истина, разум и благо.

Достижимы ли они? Да. Все три силы, ведущие к ним, заложены Аллахом в каждом человеке. В разной степени, разумеется. Но развитие этих сил, или свойств, зависит уже от самого человека. Совершенство каждого из свойств и гармоничное сочетание их достигается усердием и преданностью. Преданностью науке, вере, жизни.

Обладателями трех божественных сил, прежде всего, были и есть пророки, потом аулие — святые праведники, потом ученые-богословы, и за ними идут уже настоящие мусульмане.

Праведники первыми после пророков прониклись любовью к Всевышнему и привили это чувство людям.

Но и пророки, и праведники отреклись от земных благ и думали лишь о загробной жизни. У них и мысли не было об имуществе или хлебе насущном. Только такой путь, считали они, ведет людей к духовному совершенству.

Ученые же, наоборот, во все времена заботились о земных благах, ибо без религии, науки и ремесла, полагали они, невозможно достичь гармонии в жизни.

Можно сказать, что и пророки, и ученые стремились, в сущности, к одному, хотя и разными путями. Мне кажется, что обе эти группы, следуя своим идеалам, в известной степени принесли себя в жертву.

Во-первых, если бы человечество стало на путь веры и отреклось от земных благ, то мир пришел бы в немыслимое запустение. Кто бы тогда пас скот, шил одежду и сеял хлеб? Кто бы боролся с иноверцами? Кто бы искал и осваивал богатства недр?

Не говоря даже о прегрешениях и проступках, не угодных Аллаху, уже один отказ от земных даров был бы неразумен и неблагоприятен, ибо Всевышний сотворил их именно для счастья людей. Подобный шаг, наверное, был бы даже преступным перед жизнью.

Во-вторых, последователи пророков рисковали бы и во все сгинуть с лица земли. Под гнетом иноверцев (а они наверняка были бы завоеваны) самые нетерпеливые нашли бы скорую смерть, а терпеливые превратились бы в покорных рабов. Где же тут духовное совершенство?

Может быть, этот путь не для всех мусульман? Но о какой правде может идти тогда речь? Если правда существует не для всех, а для какой-то части народа, то это не Божья правда. Народ, который не имеет великой цели или общей прав-

ды, духовно мертв. А там, где нет жизни, не может быть и совершенства.

Но, оказывается, не все святые отреклись от земных благ. Трое из сопровождавших пророка святых — Габдурахман ибн Гауф, Сагид ибн Абудкас и хазрет Гусман — были известными богачами. В чем же дело? Причиной аскетизма святых, как мне кажется, было неверие в свои силы, возникшее из опасения, что сладости жизни ослабят их веру. Но это могло быть и своеобразным приемом, при помощи которого святые хотели заглушить в людях стремление к богатству. Святые неслыханным аскетизмом изводили себя и, должно быть, верили, что их самопожертвование послужит примером для масс. И хотя их попытка обратить усилия и помыслы мусульман к таким понятиям, как справедливость, благодеяние и преданность Аллаху, были продиктованы огромной любовью к людям, они все же дошли до крайности, и путь этот оказался непрочным. Совершенства здесь могли достигнуть люди, сознательно обрекшие себя на мучительную жизнь. История показала, что редко кто отваживался на это. Тут требовались люди одержимые, твердые духом и телом, до фанатизма преданные Аллаху, обладающие упорством ученого, беззаветно любящие людей. Почти невысказанное дело, чтобы средоточием всех этих качеств был один человек, и когда все же такой человек объявлялся, он оказывался пророком, гением, злом.

Безнравствен тот, кто считает, что любит Аллаха и потому постиг истину веры.

Во-первых, нельзя уподоблять человеческую любовь привязанности животного.

Во-вторых, даже если ты стал мудрецом или ученым-богословом, это еще не значит, что ты познал Аллаха.

Между начитанностью и настоящими знаниями, по-моему, такая же разница, как между самой наукой и внешними признаками ее, когда зачастую красноречие выдается за мудрость, а энергичные, быстро соображающие люди сходят за ученых.

Аллах ничего не создал без повода, а если люди стремятся познать сущность сотворенного им мира, то эта тяга тоже определена Всевышним. От познания мира люди обращаются к постижению природы самого Аллаха, и, быть может, тогда рождается любовь к нему, ибо люди прежде всего уясняют то, что Аллах сотворил их любя и сострадая. Грешно, не поняв всего этого, уверять людей в своей любви к Аллаху.

Мудрецом или мыслителем можно назвать только тех, кто своим умением, размышлениями и опытностью дошел до осознания высших духовных сил и обязательно соединяет в себе любовь и правду.

Без подобных людей мир превратился бы в хаос. На пути установления истинного и ложного, определения причинности явлений, на пути мучительного искания благ для всего человечества мыслители забывают не только веселье, но и все удобства жизни. Самые лучшие человеческие творения создаются их умом. Их дела — земные, но лишь на ниве их творчества утверждаются основы загробной жизни. И если богословие и оккультные науки рождают слепую веру, то разум мыслителей сеет веру истинную, сознательную.

Но не все мудрецы являются мусульманами. Большинство их, познав природу и человеческий характер, не постигли истины веры. Одни из этих мудрецов не признают Аллаха, другие не принимают условий имана, третьи сомневаются в божественном начале восьми основных качеств человека. Однако наиболее энергичные из них нашли электричество и пути его использования, научились ловить молнию, держать связь на далеком расстоянии. Они подчинили своему разуму силу огня и воды, заставив ее работать на человека. И самое

главное — они умеют направлять ум сотен людей на полезное дело. И потому мы обязаны им.

Великий пророк Мухаммед, да одарит его Аллах милостями своими, писал в священной книге: «Хороший человек — тот, который приносит пользу людям». Мудрецы, по моему убеждению, из таких людей. Нынче этих мудрецов называют тоже учеными, но следует отличать их от ученых-богословов.

Теперьшние муллы не терпят ученых. Это выдает невежество священнослужителей, склонность их к низменным вещам. И действительно, большинство мулл, научившись арабскому и персидскому языкам, начинают соперничать друг с другом и, движимые гордыней, мечтают лишь о том, как бы возвыситься. Для достижения своей цели они используют любое средство. Обманом и хвастовством сбивают людей с толку. Вот и судите: какая от них польза людям? Нет, муллы превратились в недоброжелателей своего народа.

Муллы, если хотят сделать для людей что-либо полезное, должны прислушиваться к словам правды. Для этого, прежде всего, надо уяснить себе, что преследование правдивого слова — позор. И не только позор, а преступление, потому что правда именуется еще истиной, а истина — это Аллах. И прежде чем бороться против ученых, постарайся понять, против чего в их лице ты восстаешь.

Пустое себялюбие, равно как и любое другое проявление эгоизма, погубило на этом свете не одного человека. Мало поэтому стать муллой, надо стремиться быть человеком.

Великий Мухаммед, да одарит его Аллах милостями своими, однажды сказал: «Когда наступит конец света, один день по своей тяжести покажется людям целым годом».

Мюриды задумались над его словами. И спросили они пророка: «От восхода до захода солнца правоверные молятся

пять раз. Молятся о своем спасении. Сколько же раз надо будет молиться в тот день, о котором вы говорите?»

Пророк Мухаммед, говорят, ответил так: «Это будет известно ученым-богословам того времени».

Выходит, пророк не считал обряды чем-то незыблемым, а признавал их обновление. Знают ли об этом муллы? Впрочем, какой из этого толк? Ведь наши медресе обучают точно так же, как и в седую старину. Знания, получаемые в них, не отвечают духу времени и никак не могут быть применены в жизни. Потому муллы и проводят всю жизнь в бесполезных спорах и мелких дрязгах, преследуют друг друга.

И это — в то время, когда, например, в Турции уже давно открыты учебные заведения, где юношей обучают различным наукам, построено немало военных и других специальных школ.

Оставим в стороне мулл. Есть священнослужители, облеченные большей властью, чем муллы. Это ишаны, направляющие работу мулл целого уезда или даже всей губернии. Ишаны все без исключения окончили медресе, философия их схоластична, и потому вреда от них даже больше, чем от невежественных мулл. Ишаны считают себя истинными проповедниками веры, хотя они, как легко заметить, безнадежно отстали от жизни; мнят себя духовными исцелителями людей, хотя совершенно ясно, что это вовсе не их удел. Это лживые и коварные люди, хорошо сознающие всю шаткость своего положения и никогда не расстающиеся с четками и чалмой. Их всегда видишь в окружении невежественных людей, слепо верующих в Аллаха.

Мы убедились, что вера безгранична, и никто из смертных не в силах ее познать до конца. И тот, кто решительно и с полным сознанием вступил на этот путь, может называться истинным мусульманином. Советом ли или имущем

ством он отныне обязан творить добро ближнему. И если он посвятит благодеянию всю свою жизнь, то можно надеяться, что он станет ближе к Аллаху. Творить добро — долг каждого человека.

Но есть люди, помыслы и дела которых направлены на то, чтобы жить в достатке и красиво одеваться. Они из кожи лезут, чтобы выставить себя, как на базаре, и сорвать похвалу в свой адрес или вызвать чью-нибудь зависть. Но что с того, если кто-то будет завидовать их нарядам? Преследовать в жизни только личные выгоды — значит быть ограниченным человеком. Не от большого ума идет желание человека обладать всеми благами мира. Достоинство человека определяется не внешностью и достатком. Аллах судит о человеке по его сердцу и уму. И люди, которые избрали богопротивный путь, равно как и люди, которые завидуют им, вряд ли когда-нибудь станут полноценными. Если они и поумнеют, то, должно быть, благодаря помощи людей невероятно добрых.

Всегда ли осуждается стремление к богатству? Нет. Устроенность жизни как бы очищает ум человека, а достаток создает условия для его развития. Нужда же, бывает, превращает человека в животное, все усилия которого идут на то, чтобы прокормиться, не умереть с голоду. Не имея возможности познать смысл жизни, он остается невеждой, а это противоречит назначению человека. Коран осуждает невежество, считая его глумлением над человеческим именем. Человек должен стремиться к богатству как к средству, которое, во-первых, дает ему возможность оказывать неограниченную помощь своим братьям, во-вторых, не позволяет ему самому попасть в губительную зависимость от других. И то, и другое означает, что изобилие необходимо для обеспечения свободы людей и создания определенных условий для их духовного развития.

Наука постигается не для того, чтобы с ее помощью найти богатство. Наоборот, богатство должно служить развитию науки.

Знание и ремесло — вот настоящее богатство.

Процесс овладения знаниями или искусством какого-нибудь ремесла — высшее благо.

Но для того, чтобы знания и искусство принесли пользу народу, они должны быть подчинены вере, ибо вера требует от людей благодеяния.

Всевышний создал мир по законам прекрасного, а людей — с благородным стремлением к совершенству и продолжению рода. Одной из важных предпосылок совершенства является дружба. В ней люди обязаны видеть свой долг. Но долг этот выполним только тогда, когда человек склонен к дружелюбию. Если твое расположение к кому-то вызвало ответное чувство, и если ваша дружба, основанная на взаимной любви и уважении, переросла в привязанность друг к другу, то эту дружбу можно считать настоящей. Прекрасно, когда такая дружба связывает большой круг людей.

Бескорыстная, чистая дружба исключает какое бы то ни было чувство неприязни, эгоизм или попытку человека завоевать себе славу в глазах других, скажем, острым языком или из ряда вон выходящим поступком.

Есть два способа выделиться, обратить на себя внимание людей.

Первый заключается в том, что человек, столкнувшись со злом или несправедливостью, не опускается до уровня тех, кто творит это зло, а всеми силами противостоит им. Это человек со светлой душой. Его стойкость вызывает уважение.

Второй состоит в том, что человек избирает зло своим оружием. Он чинит людям неприятности, унижает их, если у него в руках власть, оскорбляет, если слаб. Это человек с

темной душой. Его поведение оборачивается для него враждебностью людей.

Стремление отличиться во что бы то ни стало рождается себялюбием, что является чертой характера людей, не способных к дружбе. Себялюбие делает человека завистливым, зависть его озлобляет других, ему подобных, и таким образом люди теряют покой и становятся недругами.

Есть три вещи, которые унижают человека. Это невежество, леность и злодеяние.

Невежество — отсутствие знаний, а без знаний ничего не приобретается в этом мире. Не стремиться к знаниям — значит уподобиться животному.

Леность — враг человечества. Она, в свою очередь, рождает покорность, инертность, бесстыдство и нищету.

Злодеяние — античеловечно. Тот, кто все время норовит сделать людям зло, теряет свою человеческую сущность и превращается в зверя.

Люди должны иметь ума хотя бы настолько, чтобы противостоять этим трем порокам и стать знающими, чтобы быть в жизни энергичными и справедливыми. Надо всегда иметь перед собой примером чудотворную силу Аллаха и надеяться на возможность своих рук и мысли тоже как на чудо, верить, что каждое твое дело пойдет на пользу народу. Без этой надежды и веры ты — никто. Тебя хватит ненадолго. Не быть рабом Аллаха — значит не быть слугой народа.

Да, Всевышний ничего не создал зря. Все, созданное им, логично, имеет добрый смысл и разумно связано с другими его творениями.

Науки, например, как бы олицетворяют развитие людей, путь народов к прогрессу, путь познания людьми Аллаха, природы, самих себя.

Долг прежде всего понимается как высокая нравственная категория, как обязанность человека совершать благодеяния.

Говорят: «поступок», — и обязательно думаешь, что человек должен поступать законно, разумно, по совести.

Говорят: «стремление», — и веришь, что оно будет направлено к доброму, возвышенному, прекрасному.

Пророк Мухаммед, да одарит его Аллах милостями своими, писал в хадисе: «Без стремления не бывает доброго дела». Значит ли это, что для постижения Аллаха нужно обязательно соблюдать все обряды, требуемые муллами? Ведь сам пророк, как мы выяснили, не считал обряды чем-то незыблемым. Не идем ли мы по ложному пути?

Хорошо, вы совершаете омовение, молитесь, держите пост, вы стремитесь к воздержанию от мирских и чувственных отпад, но действительно ли все это дает вам успокоение? Внешне вы спокойны, даже невозмутимы, но так ли спокойна ваша душа?

Совершаемые вами обряды тогда искренни и полны смысла, когда вы всем существом признаете Божью правду. И омовение, и молитвы — намазы, и пост должны быть лишь внешним проявлением убежденности; но если вы не прониклись безграничной верой в Аллаха, то не превращаются ли эти обряды в величайшее выражение человеческого лицемерия?

Может быть, правы те ученые-богословы, которые утверждают, что есть одна вера, настоящая, и она не делится на сознательную и слепую. Ведь обряды, по их мнению, являются лицом веры, украшают ее и только потому необходимы.

Я уверен: редко кто интересуется истинным назначением обрядов. Раньше они служили для сохранения чистоты веры. Служат ли они этому и сегодня? Наверное, все-таки глупо, когда люди, по настоянию мулл, молятся ради того, чтобы не казаться неверующими.

Но в чем заключается сущность молитвы?

Правоверный сперва освобождает тело от испражнений и совершает омовение. Становясь на молитвенный коврик, он проводит смоченной в воде ладонью по носкам и подъему ичигов, показывая всем, что он чист и совершил омовение. Потом точно так же проводит ладонями по лицу и шее, имитируя умывание. Надо отметить, что все движения рук идут сверху вниз, так, как стекала бы по телу вода, если бы он мылся. Теперь совершающий намаз готов к общению с Аллахом.

Он трогает пальцами уши, и это тоже знак. Знак того, что он признает свое ничтожество перед Аллахом и, не смея воздевать руки к нему, ибо Аллах везде и нигде, он весь как бы превращается в слух. Взывает к Его помощи, чтобы Аллах удержал его от соблазнов, ибо он погряз в мирских грехах. Затем покорно складывает перед собой руки — раб стоит перед всемогущим повелителем и молча уверяет его в своей покорности. Оборачивается в сторону Мекки, ибо там родилась великая вера, и он надеется, что его молитвы будут услышаны Аллахом.

Он читает молитву, начиная ее с суры «Фатиха» — восхваления Всевышнего. Разъяснить эту суру — долгая история, да и взялся я прокомментировать лишь внешнюю сторону обряда.

Молитва продолжается... Руки прижимаются к коленям, и кладется первый поклон. Им как бы говорится, что молящийся непосредственно предстал перед Аллахом. Опускается на колени и касается лбом земли, повторяет поклон и выпрямляется. Великолепное выражение мысли, что он, человек, вышел из земли и уйдет в землю, что он продолжит жизнь в потустороннем мире и в конце концов предстанет перед Страшным судом Всевышнего. Молитва приближается к концу... Последнее коленопреклонение — еще одно

приветствие, еще одно выражение своей признательности Аллаху, еще одна просьба, чтобы Аллах одарил милостями Своими пророка, который придет к людям.

Молитва закончена. Творцу принесены покаяние, любовь, благодарность его раба и просьбы за будущее всех мусульман.

Вот как выражается человеком его вера.

Но что дает это внешнее проявление самой вере и людям? Кто объяснит это мне?

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО

У наших отцов и дедов по сравнению с сегодняшним поколением, конечно, было меньше знаний. Они были бесцеремоннее в обращении, менее культурны, чем мы. Но деды наши обладали такими двумя качествами, которыми мы сейчас никак не можем похвалиться. Это стремление к единству и забота о чести.

Мы постепенно изживали недостатки, доставшиеся нам в наследство, и, кажется, не заметили, где и при каких обстоятельствах растеряли указанные выше качества, характерные для нашего народа.

Мы приобрели многое, стали образованнее: жизнь безудержно движется вперед. Но, не вернув себе этих двух возвышающих человека качеств, мы не сможем встать в ряд с великими народами. Больше того, все наши достижения и поиски оборачиваются не на пользу нам, а во вред.

Эти качества назывались стремлением к единству и заботой о чести. Что они означали и какое место занимали в нашей жизни?

В давние времена в народе умели почитать лучших мужей. Самых мудрых и честных из них облачали особыми полномочиями и называли «ель-басы» — глава народа и «топ-басы» — предводитель общины. Эти избранные реша-

ли тяжбы, управляли всей жизнью страны, а все остальные беспрекословно подчинялись их воле и занимались своими большими и малыми хозяйственными делами. В народе говорили: «Возьми в руки альчик⁴ и, если годится, сделай из него биту», — но при этом добавляли: «Когда каждый мнит себя бием, людям тесно на Земле; когда народ един со своим вождем, он не сгорит и в огне».

Да, народ стоял стеной за своих предводителей, отдав им в руки бразды правления и помогая им во всем.

Он не замечал недостатки своих кумиров, славил их прозорливость. И, почитая их, как божество, он становился лучше и сам. О чем же, как не о благоденствии и возвышении своей страны, оставалось печься вождям, когда богатство народа было их богатством, а люди — их братьями?

Второе — сородичи прекращали междоусобицы и забывали всякие обиды, когда в аулах упоминали имена предков и зывали к их духу. Вставали, как один, на защиту обиженного.

В степи бытовала пословица: «Кто не дорожит своею честью, того чужой обидит». И снова люди предостерегали друг друга: «Жажущий отомщения за личную обиду приносит вред общему делу».

Говорили еще: «Шестеро склочников упустят то, что они уже держат в руках, четверо дружных добудут даже то, что спрятано на небе», «Родич может потерять человеческий облик, но никогда не теряет кровных уз», «Кто любит дорогу, найдет казну, кто любит спорт, повстречает беду».

Да, когда в аулах упоминали имена предков и зывали к их духу, сородичи прекращали междоусобицы и забывали всякие обиды. Вставали, как один, на защиту обиженного.

---

⁴ Альчик — костяшка, суставчик из ноги молодого рогатого скота. — *Ред.*

Где сейчас эти два высоких качества? Они тоже были плодами достоинства и стойкости, и, потеряв эти славные качества, мы потеряли все.

Теперь не дружат. Душевное расположение заменил обман. И не умеют враждовать. Гнев подменен завистью и склоками.

СОРОКОВОЕ СЛОВО

Кто ответит на мои вопросы?

Почему у нас, казахов, мертвые удостаиваются похвалы, а о живых ходит лишь недобрая молва?

Почему у нас, у казахов, хвалят мертвых, а о живых ходит лишь недобрая молва?

Почему ослабевшие старики ладят с молодыми, а между собой не могут жить в согласии, хотя и теряют своих сверстников?

Почему ослабевшие старики ладят с молодыми, а между собой, хотя и теряют каждый день кого-то из своих ровесников, не могут жить в согласии?

Мы болеем душой за соплеменника и любим его, как родного брата, пока он живет на чужбине. Но почему мы готовы прогнать его, когда он возвращается на родину?

Мы болеем душой за дальнего родственника и любим его, как родного брата, пока он живет на чужбине. Но когда ему удастся вернуться на родину, мы через некоторое время обрушиваемся на него, как на врага. Почему так происходит?

Увидав достойного в чужом народе, мы восхищаемся им, превозносим до небес, называя его лучезарным, светоносным. . . Но почему мы не признаем своих соплеменников, будь они даже на голову выше чужаков?

Почему, приезжая в далекую чужую страну, человек врет без зазрения совести, хвастаясь своим краем, а возвратив-

шись домой, снова лжет, теперь уже расточая похвалы чужим землям?

Почему мы склонны восхищаться и превозносить до небес достойного в чужом роду, но не признаем сородича, будь он на целую голову выше чужака?

Почему путник, оказавшись в чужой стране, врет без зазрения совести, расхваливая свой край, и почему, вернувшись, он снова лжет, расхваливая чужие дали?

Почему казах обожает своего ребенка, пока тот мал, и быстро охладевает к нему, когда он уже вырос?

Почему иных родичей не докличешься на радостный той⁵, тяжкие похороны, но он тут как тут, когда дело доходит до набегов и воровства?

Как понять родича, который и пальцем не пошевелил, чтобы твой скакун первым пришел к финишу, но обиделся, когда ты обошел при делении приза?

В старину люди до самой смерти вспоминали о доброй душе, которая в каком-то памятном году помогла заблудившемуся найти дорогу, когда конь под ним вконец выбился из сил. Почему в наши дни, приняв твою помощь, люди забывают об этом уже в следующем году?

В старину люди до самой смерти помнили оказанную им услугу. «Такой-то, дай Бог ему счастья, помог мне добраться до жилья, когда мой конь вконец выбился из сил», — с благодарностью вспоминали они. Почему в наши дни, приняв твою помощь, люди тут же забывают об этом?

Чем объяснить, что сын бая, обнищав, не стыдится воровать, а служить другому баю считает для себя зазорным?

Почему двум умным людям трудно ужиться в одной стране, а два подлеца сходятся так тесно, что их водой не разольешь?

---

5 Той — пир, праздник. — *Ред.*

Двое хороших людей не могут ужиться в одном ауле, а два подлеца сойдутся так тесно, что их водой не разольешь. Как это получается?

Почему тот, кого ты считал другом и посадил на скакуна, отвернулся от тебя, получив стригунка от твоего недруга?

Почему человек готов пожертвовать другом, который слушает его каждый день, ради врага, который выслушает его однажды? Почему большинство людей не желают добра своим друзьям? И почему человек становится непримиримым врагом, когда его другу удается возвыситься?

Почему порой человек не довольствуется привычной беседой с умным человеком, а до смерти жаждет услышать слово врага?

Почему человек не желает счастья своему другу? И почему, если друг как-то возвысился, непримиримым врагом ему становится именно этот самый человек?

Есть люди, которые не могут найти себе советчика. Почему же они избегают тех, которые способны видеть всю их подноготную?

Некоторые люди в гостях ведут себя так, как будто пригнали с собой весь свой скот. Но почему они отгоняют скот подальше от дома, когда к ним самим приезжают гости?

Почему люди так жаждут мира, если он очень скоро утомляет их?

Почему живые вдохновенные люди неимущи даже тогда, когда они правят народом?

Почему токал — младшие жены — всегда строптивы?

Почему люди безнравственные всегда решительны?

Почему глупые упрямыцы поступают наперекор рассудку?

Почему сдержанные, ведущие умеренный образ жизни люди считаются слабыми, а распутники и хвастуны, везде и всюду учиняющие скандалы, слывут удалыми?

Казахов не удивишь правдивым словом. Они не прислушиваются к нему, отмахиваются от него так, словно бы им недосуг заниматься пустыми разговорами. Но стоит появиться вымыслу, как они сбиваются вокруг него, подобно молоку, в которое брошена закваска, и не уйдут, пока не дослушают его до последнего слова. Почему же казахи падки на кривду?

СОРОК ПЕРВОЕ СЛОВО

Человек, который озабочен будущим казахов и собирается не только давать советы, а поставить их на путь истинный, должен обладать двумя вещами.

Первое — в руках этого человека должна быть сосредоточена вся власть по управлению народом. Только тогда он сможет насильно забирать у родителей детей и посылать их на учебу. Детей следует определять в различные медресе, ибо наук — великое множество, и необходимо овладевать ими всеми. Надо учитывать, что каждое медресе имеет определенное направление, поэтому и детей, исходя из их наклонностей, нужно направлять одного — по одному пути, другого — по другому. Девушек тоже следует приобщить к учебе, пусть они изучают хотя бы религиозные науки, если невозможно заняться другими. Надо добиться, чтобы народ изыскал средства, необходимые для учебы детей и их содержания. И вот тогда, когда эти юноши и девушки обогатят себя знаниями, а их постаревшие отцы поймут, что пора им перестать повелевать степной жизнью, и уступят детям свое место, может быть, казахи и выправят свое незавидное положение.

Второе — в руках этого человека должны быть несметные богатства. Лишь в этом случае он будет способен одарить казахов, у которых заберет детей, чтобы послать их на учебу.

Но нет сегодня такой власти, которая была бы настолько сильна, чтобы держать народ в повиновении. И не найти на

необъятных степных просторах такого богача, который был бы в состоянии задобрить всех казахов.

А словами казаха не возьмешь: советами не выправишь, угрозами не испугаешь, упреками не устыдишь. Не имея возможности познать смысл жизни, он остался невеждой, что противоречит назначению человека. И это невежество, доставшееся ему в наследство от отцов, вместе с материнским молоком вошло в его кровь и плоть и убило в нем человечность. И не думают теперь степняки, что есть на свете вещи более интересные, чем глупый смех, беспрестанное шушуканье, споры и грызня. Если и приходит им в голову такая мысль, она долго не задерживается. Задержалась бы, если бы человек на минуту остановился, чтобы выслушать дельный совет. Но если он и остановится, то будет слушать тебя вполуха: глаза бегают по сторонам, а мысли витают на небе. Тщетно доказывать все это казаху: в одно ухо впустит он твои слова, из другого выпустит. Как нам быть в такой ситуации, что посоветуете предпринять, чтобы стать просвещенным народом?

СОРОК ВТОРОЕ СЛОВО

Одной из причин, способствующих пристрастию казаха к дурному, является отсутствие достойного занятия. Разве смог бы он отвлекаться на пустое времяпровождение, если бы занимался хлебопашеством или торговлей?

Вынужденное безделье превратило казаха в бродягу. Выпросив у кого-нибудь лошаденку, он скитается из одного аула в другой, привыкая жить на дармовщину, собирает сплетни, стараясь вовлечь людей в интригу и рассорить их, или же вместе с подобными себе строит другим козни. Честный труженик посчитал бы такую жизнь собачьей. Как ни тяжела работа, он не променяет ее на бродяжничество.

Богачам, в свою очередь, кажется, скучно жить, занимаясь разведением скота. Они оставляют стада на попечение пастухов или своих малолетних детей и тоже покидают дома. Богачи терпят, когда их скот становится добычей воров и зверей или гибнет от холода и бескормицы, но они не могут вынести того, чтобы остаться в стороне от участия в заговорах, сплетнях и дрызгах. Они обязательно должны разъезжать по аулам, встревать во все споры и тяжбы, а потом, развалиясь за чужим дастарханом, развлекаться пересудами о людских несчастьях.

Подобное времяпровождение превратилось в привычку многих, ибо плохое, как известно, быстро становится достоинством людей.

В степи теперь не ценят людей, знающих толк в ведении хозяйства, умеющих пасти и выращивать скот, зато почитают смутьянов и сплетников. Немало добрых казахов побросали свое большое или маленькое хозяйство и скитаются сейчас по степи. Они выуживают сплетни, ищут ссор, собирают крохи за чужими дастарханами. Им дела нет до того, что хозяйства их, за которыми присматривают знакомые или соседи, хиреют, а семьи терпят нужду.

Не недостатком хвалятся нынче люди, а умением надуть честного человека, не умом и честью гордятся, а искусством составления доносов на своих врагов. Даже бедняк-однолошадник, держащий в руке прут вместо камчи, познав эти два «искусства», вымогает у какого-нибудь простодушного хозяина хорошего коня, наедается жирного мяса, садится в гостях на почетное место.

Бродячие «советники» знают богачей, равнодушных к лести, как свои пять пальцев. Сперва они добиваются их расположения «добрыми советами», а потом и вовсе привязывают к себе. «Вы только прикажите, — лебезит подобный доброхот. — А я уж живота не пожалею ради вас. Готов в огонь и в воду...» Глядишь — он уже подчинил бая себе и распоряжается

чужим имуществом, как своим собственным, и становится в ауле уважаемым человеком. Несчастный бай и не понимает, что отныне он навсегда потерял свою независимость и спокойствие. Не видит он, что зазря раскошеливается. Постепенно он привыкает по любому, даже самому незначительному делу советоваться с этим проходимцем, который, естественно, стелется перед ним коровьей иноходью, чтобы не потерять своего положения. «О мой повелитель! Неужели вы не знаете его? — нашептывает он на ухо баю о человеке достойном. — Ведь это же известный интриган! На эту его уловку вы должны ответить так, а вот на ту — эдак». И добивается того, что бай начинает заноситься и говорить доброму человеку слова, которые еще больше усложняют дело. Отворачивается от бая человек, недовольный исходом разговора, а советчику только этого и надо. «Вот видите, каким он оказался? — спешит он со своими откровениями. — Хорошо, что вы последовали моему совету. Хитрил ведь! Разве доброжелатель поступил бы таким образом?» Теряет волю бай и отныне и шагу не может ступить без своего угодливого советчика. Перестает он верить людям, и люди больше не доверяются ему.

Таковы сегодня разум и образ жизни степняка.

СОРОК ТРЕТЬЕ СЛОВО

Душа и тело даны человеку природой. Свойства же их — различного происхождения, и проявляются они по-разному.

Одни, так называемые произвольные, рождаются вместе с человеком, другие приобретаются им в результате труда. Потребность есть и пить — прирожденная. Сон тоже. Желание увидеть мир и познать его — тоже произвольная потребность. И только ум и знания являются плодами трудовой деятельности человека.

Человек познает окружающий мир, наблюдая глазами, слушая его звуки ушами, прикасаясь к предметам руками, вдыхая запахи носом, определяя вкус языком. Все его ощущения — и приятные, и неприятные — запоминаются ему как определенные образы. Усваиваясь указанными пятью органами чувств, они располагаются в памяти в определенном соотношении, создавая некую систему образов. Образность того или иного явления или предмета, прочность закрепления его в памяти находятся в прямой зависимости от силы впечатления, произведенного этим предметом или явлением. Впечатление от какого-нибудь нового явления может привести в движение целый ряд ранее усвоенных образов, и некоторые из них становятся еще более яркими, а другие тускнеют. Итак, мы имеем дело не с системой неких застывших образов, сложившейся от первоначального восприятия, а с непрерывно изменяющейся формой познания мира. Человеческий дух постепенно крепнет этими приобретениями — радостями и переживаниями. Нетрудно понять, почему сила духа на первых порах слаба: она в этот период, в основном, зависит от объема или суммы познаний. То есть, чем больше отягощена память, тем больше крепнет человеческий дух, его воля. Человек критического ума, склонный к анализу, умеющий отделять нужное от ненужного, как правило, обладает сильным духом. А тот, кто не размышляет над услышанным или увиденным, не только не приобретает нового, но и теряет ранее приобретенные познания. Дух его слабеет. Человека, понявшего эту закономерность, думается, уже можно назвать умным.

Но существует иная категория людей. «Что я могу поделывать, раз Всевышний не наделил меня умом? — разводят они руками. — Он создал нас неодинаковыми: ты умен, а я — нет». Эти люди клеветают на Аллаха, чтобы обелить свое невежество и леность. Разве Аллах говорил кому-нибудь из них: «Не наблюдай, не прислушивайся или не задумывайся над тем, что уви-

дел и услышал, или не запоминай ничего»? Разве Аллах заставил его, скажем, предаваться бездумному веселью, гнаться за угощениями, подолгу спать или хвастать? Нет, Создатель не виноват в том, что этот человек отвернулся от духовных ценностей и превратился в подобие животного.

Вообще, странных людей на свете хоть отбавляй. Есть и такие, которые согласны, что ум складывается в процессе труда, а желание — это произвольное чувство, изначально заложенное в человеке. Спорить тут не приходится, ибо стремление познавать можно заметить в каждом ребенке. Но дальше эти люди утверждают: у кого было больше желания, те, понятно, стали умными, а у кого желания оказалось меньше, те не смогли многого достичь. Неверное утверждение. Мы уже говорили: сила духа на первых порах жизни незначительна, и если не развивать своего стремления к познанию, то легко потерять даже то малое, что имеешь. Мастерство человека, его искусство шлифуются непрерывными занятиями, упражнениями. Бездеятельность приводит к тому, что постепенно начинают стираться те или иные грани мастерства, а потом перестает существовать и само мастерство. Человек может даже не заметить, что он стал другим. Ведь мастерство или знание не предупреждают: вот, мол, я ухожу... Просто человеку нужно всегда помнить, с каким трудом он рос и познавал мир. Потеряв свои знания, невероятно трудно овладеть ими снова: может не хватить духа.

О силе духа, или, как еще говорят, о душевной силе, можно писать очень долго, ибо рассуждения о ней представляются мне началом самостоятельной науки. А всякая наука бесконечна...

Но есть три свойства, которые, без сомнения, составляют основу силы духа. И к ним следует относиться с бережностью, ибо, потеряв их, можно потерять и саму человеческую сущность, а значит, уподобиться бессловесной твари.

Первое свойство — это живость восприятия или, как говорят по-русски, «подвижной элемент». Что бы ты ни увидел и ни услышал, о чем бы ни узнал, ты должен не только быстро установить суть нового, но и выяснить, что оно даст тебе в будущем. То есть, необходимо определить при этом две возможные крайности: какая будет от него польза и какой вред. Без подобной подвижности ума, которая в кратчайшее время выясняет степень ценности нового, нельзя считать достаточно полезной самую кропотливую и долгую учебу. Человек обязан научиться вовремя продумывать сложившуюся ситуацию, вовремя принимать решение и осуществлять его, короче говоря, он должен вовремя сказать свое слово. В противном случае его всю жизнь будет преследовать раскаяние. «Ах, какая досада! — будет думать он. — Надо было поступить иначе. Упустил я время...»

Второе — это свойство, объясняемое через притягательную силу однородного. Эта сила обеспечивает удивительную способность сравнивать то новое, что человек узнал, с уже известными ему истинами. Действительно ли они однородны полностью? Или, скажем, схожи только их отдельные свойства? Желание установить связи между новым и старым заставляет человека спрашивать о непонятном у других, изучать их по книгам, подолгу размышлять.

Третье — это впечатлительность сердца. Ею надо дорожить. И сохранять ее, оберегая сердце от таких губительных пороков, как самодовольство, корыстолюбие, легкомыслие и беспечность. Тогда, как в чистом зеркале, отразится в сердце любой образ, и он воспримется всем человеческим существом и запомнится надолго. Если же не удастся сохранить сердце в чистоте, то и отраженный в нем мир будет искаженным: он предстанет неверным, тусклым. Бессмысленно для человека подобное знакомство с новым. Оно увидено им в ложном свете и обязательно приведет к ошибкам.

Силой своих рук человек добывает или создает материальное благо: оно дает много пользы, но в нем достаточно и вреда. Человек обязан помнить об этом, иначе он не удержит своего состояния.

С помощью силы духа и воли человек постигает науку. Но и у науки имеются сильные и слабые стороны. О них тоже должен знать человек, тогда ему будет ясно, как развивать науку и извлекать из нее пользу, направленную на благо народа.

Но все хорошее в мире имеет свою меру, и знать ее — большое дело. Нельзя, например, уподобляться человеку, который, фанатично предавшись делу, теряет здравый рассудок. Все, что сверх меры, — несет зло. В еде и питье, в смехе и веселье, в объятиях и поцелуях, в стремлении накопить богатство, в ловкости и хитрости, в одежде, — во всем должна присутствовать мера.

Древние мудрецы говорили: «То, в чем ты всегда находишь радость, однажды принесет и огорчение». Так пусть не останется тайной, что живость восприятия и умение сопоставлять вещи — это те самые две силы, которые, объединившись, дают все необходимое человеку. В них сокрыто и добро, и зло. Карьеризм, хвастовство, злобность, лживость и все остальные пороки тоже рождаются ими. И человек, как мы уже говорили, в силах не поддаваться пагубным страстям, если выработает в себе умение отличать хорошее от плохого. Но одним разумом все же не устоять. Разум должен объединиться с волей, и тогда можно обуздать страсти и успешно противостоять порокам. Тот, кто обладает указанными выше качествами, может управлять живостью восприятия и силой притяжения однородного однородным, как верным иноходцем, которому знаешь, где доверить поводья.

Но если разум и воля твои невелики или ты обладаешь лишь одним из указанных качеств, — считай, что ты потерял власть над двумя свойствами духа. Ты окажешься в положе-

нии всадника, которого понес невзвезданный дикий конь, рискуя в любую минуту ударить о скалы, бросить на камни или свалить в воду. Одному Аллаху ведомо, где и когда это случится, у тебя же не остается иного выбора, кроме как ждать беды. Развевая полы халата и устремив безумные глаза в небо, ты несешься куда попало, и унижение от собственного бессилия будет преследовать тебя до самой последней минуты.

СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Самый жалкий человек на свете — это человек без стремлений. Но стремления бывают разные, да и люди не похожи друг на друга: по-разному идут они к своей цели. Надо сказать, что само по себе это свойство воспитывает в человеке постоянство и обогащает его ум.

Но вот что любопытно: независимо от того, имеет ли человек какое-то стремление или не имеет, он радуется, когда его кто-нибудь похвалит. Душа его тянется к этому человеку, и зачастую он даже не думает о том, заслуженная ли это похвала или незаслуженная. Человек обычно делится мыслями с близкими себе людьми, и когда ждет одобрения своего поступка или признания заслуг, то ждет именно от них. Похвалы людей иной среды он не жаждет так сильно. Странно идет человек к самоутверждению.

Понятно и то, что большинство людей стремится к благополучию. Но досадно, когда видишь людей, изо всех сил рвущихся к власти или богатству. Для таких, как говорится, все средства хороши, и они жадностью и хитростью накапливают богатства, полагая, что народ не осудит толстосума, превратись он хоть в собаку. Они знают: не где-нибудь, а именно в его народе бытуют пословицы: «Кто богат, тот и прав» или «У богатого лик светел, темен он лишь у нищего». И вот люди идут на поводу у ложной мысли, считая, что только богатство

принесет им славу и почет, и они правы, если смотреть на мир глазами степного люда. Но с общечеловеческой точки зрения — это, конечно, глупо и низменно.

И точно так же, как жаждут богатства и славы, люди хотят прослыть хаджи, храбрецами, знатоками, ловкачами, хитрецами. При этом каждый мнит себя самым необходимым и полезным для народа человеком. Они делают свой выбор хитро: прощупывают пульс казаха, смотрят ему в лицо и безошибочно определяют, какое из перечисленных «достоинств» сейчас больше в цене и принесет им наибольшую выгоду. Это отстоит далеко от того выбора, о необходимости которого для народа узнают по книгам, а не стараются прочесть мысли человека по выражению его лица. Люди, серьезно интересующиеся книгами, знают, что сперва следует позаботиться о душевной чистоте, а потом уже подумать над тем, каким полезным образом посвятить себя служению Аллаху и народу.

Но если ты далек от этих размышлений и забот, если предпочитаешь добиваться своей цели, не интересуясь книгами, а высчитывая выгоду по лицам людей, то что тут сказать, возможно, ты силен лишь задним умом, чужая душа, говорят, потемки.

Как тут определить, чему кто учился и что составляет его стремления?

СОРОК ПЯТОЕ СЛОВО

Самым веским доказательством существования Всевышнего является то, что многие тысячелетия люди на разных языках говорят об одном и том же: о великом и непогрешимом создателе. Сколько бы ни было видов религии, все они утверждают, что Всевышнему присущи справедливость и любовь.

Мир создали не люди — мы только познаем уже сотворенный Мир. Мы всей душой стремимся к высшей справедливости и божественной любви, и мудрым становится тот, кто искренне поверил и понял величие Всевышнего.

Именно искренне поверил, а не заставил себя уверовать в это.

Сущность человека составляют любовь, справедливость и душевность. Люди не могут обходиться без этих начал. Просто в жизни не бывает случая, когда бы не участвовали они и не предрешали ту или иную судьбу. Таким создал Всевышний наш мир. Даже у жеребца, когда он покрывает кобылу, проявляется чувство.

Ученым и мыслителем становится только тот, кто способен на глубокое чувство и обладает высшей справедливостью.

Но не мы придумываем науку, она появляется как результат наших ощущений, наблюдений и размышлений о созданном вокруг нас и организованном для нас мире.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«В раздумье долгом и немом»

*В раздумье долгом и немом,
В воспоминаньях о былом,
Перебирал я день за днем,
Не оправдав себя ни в чем.
Куда мне скрыться от себя?
Мой каждый шаг был только злом.
Смогу ли обуздать себя?
Я подл, я виноват кругом.
Неисчислимы камни гор —
И счета нет грехам моим.
А стоит в сердце заглянуть —*

*В нем лишь позора горький дым!
Со дна его и срам, и грязь
Не вычерпать рукам моим.
Таким меня не создал Бог —
Я страшен по делам моим.
Но в чем же я себя виню?
Я падок был на все, я — тот,
Кто искренностью пренебрег
И расточил ее, как мог.
Я слову разума внимал
И поступал наоборот.
Как жемчуг, хитрости и ложь
Нанизывал из года в год.
Чудовище, я потерял
Делам моим позорным счет.
Я жадно к подлости любой,
Как ворон, правил свой полет.
Пустую слыша похвалу,
Гордился ею, думал — вот,
Надул я всех, и мастаком
Толпа за это назовет.*

Комментарий А. Жаксылыкова:

С годами нетерпимость Абая к лжи и фарисейству людей, призванных своим статусом и положением в обществе обучать молодежь, нести слово света и разума, звать к лучшему будущему, призывать к нравственности и совести, становится все более выраженным и резким. И это достаточно наглядно представлено в поэзии Абая. С этой точки зрения наиболее показательным известное стихотворение Абая «Ойга түстім, толгандым», переведенное — «В раздумье долгом и немом». В этом произведении представлен монолог лирического героя, вдруг осознавшего тяжесть своего многолетнего греха,

который заключался в постоянной лжи, ставшей как бы профессиональной привычкой, чем-то обыденным, так что мимикрия перестала быть маской личности, а стала второй его натурой. Тем не менее, жизнь не стоит на месте, она движется и подвигает героя к рубежу решительных и серьезных оценок итогов жизни. В такие минуты духовной трезвости, прозрения человек может осознать, как глубоко он пал, как плотно окутан он застарелыми тенетами лжи. Данное стихотворение Абая, откровенное, беспощадное по разоблачительной силе, беспрецедентное по искренности, не имеющее равных по язвительности, по своей художественной силе и социальной направленности поистине является одним из самых знаковых творений поэта, показывающих остроту и накал его борьбы против невежества одних и фарисейства других.

АБРАЛЫҒА

*Мен жасымнан көп көрдім
Мұсылманды, кәпірді
Абралыдай көрмедім
Намаз білмес пақырды.
Кира әтін, оқытып
Көріп едім, шатылды.
Ниет қыла білмейді,
Не қылады нәпілді.
(с. 3. 161)*

*С малых лет видел я
Мусульман и неверных,
Однако не приходилось
Встречать такого горемыку,
Как Абралы, невежественного*

*В чтении намаза. Попросил я
Почитать аят. Пустился он
В околесицу, все переврал.
Не знает он молитв. К чему
Усердие его?*

(подстрочный перевод наш — А. Ж.)

Комментарий А. Жаксылыкова:

В другом широко известном произведении Абай продолжает свою критику в адрес лгунов и фарисеев, но уже конкретно, называя имя человека. Системный анализ этого произведения Абая приводит нас к выводу, что на самом деле он был весьма далек от противостояния народной религии. Его обличительное оружие направлено не против ислама (как полагали критики в эпоху культа соцреализма), а мотивы иронии и сарказма в действительности всегда адресованы конкретным личностям, которые, видимо, представляли для поэта наглядный образец ханжества и духовной слепоты, то есть лицедеям, использовавшим религиозную одежду и сан для элементарного стяжательства. Абай, прекрасно знавший Коран, историю ислама, культовую практику, не мог не откликнуться саркастически, когда видел примеры грубого невежества и хитрости аульных мулл. Так, в стихотворении «Абралыга» поэт иронически восклицает:

«Молодым до науки дойти я не мог»

*Молодым до науки дойти я не мог,
Я не стал изучать, впрок она иль не впрок.
А когда стал искать, ускользала из рук
Было поздно, увы, упустил я свой срок.*

*Кто виновен, что я пребываю ни с чем,
Это всем непроторным печальный урок.
Дети — радость души, обучать их не прочь,
Свет мне милых наук я для них приберег.
Я не ради чинов отдал их в медресе, —
Ради знаний самих, дух которых высок.
Я и сам не давал людям спуску ни в чем,
Был в словесном бою превосхожден мой слог.
Не оценит никто ни удач, ни труда,
Лучше дома лежать и не лезть за порог.
(с. 5. 1471)*

Комментарий А. Жаксылыкова:

Пожалуй, наиболее откровенно пишет Абай о значении науки и образования в стихотворении «Молодым до науки дойти я не мог». В нем лирический герой выражает сожаление, что не смог вовремя оценить значение науки для развития своей души и личности, а когда понял это, было уже поздно. Следовательно, к изучению наук необходимо приступать вовремя, то есть, молодым человеком, когда сознание растет, жадно познавая мир, витальная энергия в основном направлена на развитие интеллекта, ума, любознательности, энциклопедичности, а также специальных знаний, например, в области языков, техники и технологий. Если человек упускает время лучших возможностей мозга, когда память может запоминать много и остро, а способности к синтезу и анализу высоки, то опоздавшему человеку становится очень тяжело учиться. Обучение и познание становятся неактуальными, и человек может опустить руки, то есть, признать поражение, даже не начав битвы. «Было поздно, увы, упустил я свой срок. Кто виновен,

что я пребываю ни с чем, Это всем непроторным печальный урок», — вторит лирический герой, и многие люди могли бы в сердцах повторить эти слова. Все же биографический фактор дает себя знать в этом произведении, и мы словно ощущаем вздох самого Абая, поэта, который констатирует в этой ситуации, что, пытаясь наверстать упущенное, отдал на обучение в медресе своих детей. При этом автор подчеркивает, что сделал это не ради будущих чинов и должностей, а ради «знаний самих, дух которых высок». В этих словах дает себя знать неизменная педагогическая и просветительская позиция Абая, убежденного в том, что только атмосфера всеобщего образования и развитой науки может изменить ситуацию в Казахстане.

«Без знаний нос не задирай»

*В науках как не преуспеть,
Протившись с детскостью пустой.
Пусть не похож, подобен будь,
Тому, кто знающ и учен.
Не говори, что никогда
Тебе не стать таким, как он...
Не дай себя запутать лжи.
Об этом пишет нам мудрец,
Ученый славный — Дауани.
Он тот, кого за правду чтут.
Прочти его и будь смелей,
То, что познал, сберечь сумей.
Пока ты юн, прилежней будь.
(с. 5. 148–150)*

(сокращение наше — А. Ж.)

Комментарий А. Жаксылыкова:

В стихотворении «Без знаний нос не задирай» Абай вновь подчеркивает социальное и интеллектуальное превосходство образованного человека. Поэт словно обращается к каждому сородичу, наставляя его и убеждая, что наука и обучение — единственно верный путь. Глуп и смешон гонор необразованного человека, даже если он богат. Образованный человек имеет психологическое превосходство даже в обычных коммуникациях. Он не даст обмануть себя ни в обычных делах, ни в таких, где уже требуются юридические знания. Он различит, где ложь, а где пустая риторика бесполезных шумных собраний.

«Наш холоден Ум, наподобие льда»

«Краснобай! Грамотей!

Мастер всяких затей» —

Так хотелось вам зваться всегда.

Чтобы в страхе народ

Трепетал круглый год

Перед вами, иначе — беда!

Неугодных развеете в пыль,

Только верных оцените пыл.

Знанья чтя всей душой,

В мир собравшись большой,

Я всмотрелся в два края Земли.

Отошел от невежд,

Без ушей и без вежд,

Что ни слушать, ни внять не могли.

Нет для воли задачи трудней:

Удержаться меж двух кораблей.

*Я к утесу ходил,
Криком там исходил,
Эхо долго катало мой крик.
Изучая тот звук,
Я прошел путь наук,
Мне казалось, я много постиг.
Но утес, он на то и утес,
Крик мой, канув, нигде не пророс.*
(с. 5. 234, 234)

Комментарий А. Жаксылыкова:

В стихотворении «Наш холоден Ум, наподобие льда» Абай идет на яркие метафорические обобщения, еще раз подчеркивая значение Знания: «Ум, Сердце и Воля — ничто друг без друга, А Знание их суть пронесет сквозь года». (с. 5. 168)

Прославляя науку, образование, всячески подчеркивая их значение, Абай мудро предостерегает и от нравственного падения образованных, то есть, таких людей, кто знания использует во имя корысти, личного обогащения, кто практикует обман народа в угоду сильным мира сего. А таких лицедеев во времена Абая, да и позже, всегда было предостаточно. Действия таких лжецов — особое зло. И предостережения Абая насчет таких оборотней проницательны и своевременны, к тому же, они актуальны и в наше время.

В своей борьбе с толпой невежд, ненавидящих все новое, особенно — требующее перемен, нравственно-психологических усилий, воли, работы над собой, с врагами, не гнушавшихся ни клеветы, ни коварства, ни прямого нападения, Абай с большой горечью говорит о своем одиночестве. В этих строках ощущается и

скрытое обобщение, что на такое духовное одиночество обречен всякий, кто вступит на путь борьбы против тьмы и мракобесия, косности и тупого упрямства.

К этому можно лишь добавить, что такова судьба всех первопроходцев, великих наставников, пророков, пытавшихся учить свой народ, осуждать пороки и увещевать, призывать к улучшению своей природы. Абай лишь повторил путь своих великих предшественников.

Литература

1. Абай. Слова назидания. — Алма-Ата: Жалын, 1983. — 160 с. Мец А. Мусульманский ренессанс. — М. Наука, 1973. — 473 с.
2. Жаксылыков А. Ж. Сравнительная типология образов и мотивов с религиозной содержательстью в произведениях казахской литературы. Эстетика, генезис. — Алматы: Казак университеті, 2013. — 362 с.
3. Момыш-улы Б. Психология войны. — Алма-Ата: Казахстан. —1990. — 240 с.
4. Абай (Ибрагим) Кунанбаев. Избранное. — М. : Русский раритет. — 2006. — 256 с.

СОДЕРЖАНИЕ

МУХТАР АУЭЗОВ

АБАЙ КУНАНБАЕВ 10

АБАЙ КУНАНБАЕВ

СЛОВА НАЗИДАНИЯ 33

ПЕРВОЕ СЛОВО	33
ВТОРОЕ СЛОВО	34
ТРЕТЬЕ СЛОВО.....	35
ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО	38
ПЯТОЕ СЛОВО	40
ШЕСТОЕ СЛОВО	41
СЕДЬМОЕ СЛОВО	43
ВОСЬМОЕ СЛОВО	45
ДЕВЯТОЕ СЛОВО.....	47
ДЕСЯТОЕ СЛОВО	49
ОДИННАДЦАТОЕ СЛОВО	52
ДВЕНАДЦАТОЕ СЛОВО.....	53
ТРИНАДЦАТОЕ СЛОВО	54
ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ СЛОВО	56
ПЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО	57
ШЕСТНАДЦАТОЕ СЛОВО	59
СЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО	60
ВОСЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО	63
ДЕВЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО.....	64
ДВАДЦАТОЕ СЛОВО	65

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО.....	66
ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО.....	67
ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО	68
ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО	70
ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО.....	71
ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО	75
ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО (ПО СОКРАТУ)	77
ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЛОВО.....	81
ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО	83
ТРИДЦАТОЕ СЛОВО	84
ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО.....	85
ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО.....	85
ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО	87
ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО	89
ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО.....	91
ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО	92
ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО	94
ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЛОВО.....	96
ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО	117
СОРОКОВОЕ СЛОВО.....	119
СОРОК ПЕРВОЕ СЛОВО	122
СОРОК ВТОРОЕ СЛОВО	123
СОРОК ТРЕТЬЕ СЛОВО.....	125
СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО	130
СОРОК ПЯТОЕ СЛОВО	131
СТИХОТВОРЕНИЯ	132
Литература	141

Антология гуманной педагогики

АБАЙ КУНАНБАЕВ

**ВЛИЯНИЕ СРЕДЫ, КУЛЬТУРЫ
И ДУХОВНОСТИ НА ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ**

Просвещение и прогресс в развитии общества

Подписано в печать 28. 05. 19.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 8,37.
Заказ № 1793

Издание предназначено
для лиц старше 16 лет

Редакционно-издательская подготовка и макет
Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ лаборатория гуманной педагогики

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного
оригинал-макета